

Евгения Сафонова

КОГДА
ЗАВТРА
НАСТАНЕТ ВНОВЬ

Москва
2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С21

Иллюстрация на переплёте *Екатерины Максименко*

Дизайн обложки *Юлии Девятовой*

Сафонова, Евгения Сергеевна.

С21 Когда завтра настанет вновь / Евгения Сафонова. —
Москва : Эксмо, 2021. — 544 с.

ISBN 978-5-04-122876-7

В мире, где магия давно стала обыденностью и идёт рука об руку с технологиями, юная студентка-магичка Элайза Форбиден узнаёт, что она уже сутки как должна быть мертва.

Девушка бежит из дома, чтобы найти серийного убийцу и скрыться от безликой твари, следующей за ней по пятам. Но Элайза не одна. Её спутники — двенадцатилетний брат, баньши-журналистка, самопровозглашённый рыцарь и таинственный фейри, который слишком часто появляется в нужное время в нужном месте. Смогут ли они бросить вызов самой Владычице Предопределённости и изменить судьбу, предписанную последней леди рода Форбиден?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сафонова Е.С., текст, 2021

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-122876-7

Спасибо Алисе Огневой за то,
что в новой редакции эта книжка стала лучше и грустнее.
Также адресую свою скромную
и дерзкую благодарность маэстро Суэнвику,
который помог мне увидеть Харлер в моих снах.

With humble and daring gratitude to maestro Swanwick,
who helped me to see Tharlear in my dreams.

— А правда, что перед смертью вся жизнь проходит перед глазами?

— Да, это правда, — ответил Смерть. — Этот процесс называется жизнь.

Терри Пратчетт, «Пятый элефант»

А ты знаешь, что только раз в жизни выпадает влюблённым день, когда всё им удаётся?

Е. Шварц, «Обыкновенное чудо»

У меня осталось совсем немного времени до того, как я исчезну из этого мира.

Впрочем, после всего, что мне пришлось пережить, это не столь высокая цена за то, чтобы у этой мрачной истории вышел вполне себе счастливый конец. Не сказать, что мне легко уходить, однако у меня была возможность смириться.

Я сижу, чувствуя под ладонями колкий тёплый песок; за спиной шепчется лес, белое солнце, клонясь к горизонту, наливается старым золотом, и прохлада озёрных волн ласкает мои босые ноги.

Я жду, глядя на воду, вспоминая все события, приведшие меня туда, где я оказалась теперь.

В такие минуты частенько вспоминаешь, с чего всё началось. Как там говорят — жизнь проносится перед глазами?..

Я могла бы начать эту историю с момента, как попадаю под колёса. Или с того, как один фейри впервые увидел мою мать в пригородном лесу — со встречи, что в итоге привела к моему рождению. С разговора, в котором меня известили, что для мироздания я уже сутки как мертва; со стражников или фейри, которые пытаются меня прикончить; с тёмного бога, улыбающегося в трикветре, нарисованном мной на сухой земле; с минуты, когда мятные глаза Питера впервые встретились

с моими, когда мы оба ещё не подозревали, кем вскоре станем друг для друга.

И всё же для меня началась она в день, когда нам с братом сказали, что спустя день мы должны покинуть родной дом.

Тогда никто из нас не думал, что нам придётся искать убийцу по прозвищу Ликорис. Как и о том, что вся наша жизнь скоро превратится в прятки и догонялки.

И о том, что убежать от нашего врага всё равно невозможно.

Я ковырялась в саду, пропальвая кабачки, когда услышала голос Эша:

— Лайз, тебя мама зовёт.

Брат смотрел на меня с деревянной веранды нашего дома — маленького коттеджа в один этаж из серого кирпича, к стене которого пристройкой лепился гараж, обшитый сайдингом, старательно маскирующимся под камень. Поднявшись с колен, я стянула перепачканные землёй тряпичные перчатки; шагнув на выложенную плиткой садовую дорожку, утёрла потный лоб тыльной стороной ладони — летний день жарил солнцем, как печка. Стряхнула с джинсов пыль, а с потрёпанных кед — вырванный с корнем побег лебеды, зацепившийся за шнурки.

Тогда я ещё не знала, как скоро буду скучать по тихим привычным будням, по провинциальной рутине, по возне в саду и этому дому, увитому хмелем и диким виноградом. И сказала лишь:

— Окей, как раз хотела передохнуть.

Брат следил, как я иду мимо крыжовенных кустов, льдинками синих глаз, блестящих и тёмных, как отражение зимнего неба в глубоком колодце. Должно быть,

достались от отца из тилвитов¹, как и золотые кудри... Отца, которого я не помню, а Эш даже не видел.

Иногда я мечтала вернуться в прошлое и сделать так, чтобы мама никогда не ходила в лес, где встретила его. Не потому что не хотела рождаться — потому что верила, что наши с братом души нашли бы пристанище в телах маминых детей, даже если бы она родила их от другого мужчины. Того, кто не бросил бы её.

Дом встретил прохладой каменных стен и дощатого пола. Скинув кеды в прихожей, я сунула ноги в шерстяные тапочки-носки: мы носили их даже в летнюю жару, потому что пол никогда не прогревался. Я была этому только рада — когда мы жили в мегаполисе, лишь кондиционер помогал мне пережить лето, но кондиционер не заменит свежего ветра. И даже настезь распахнув все окна, ты не сделал бы воздух в маленькой квартирке менее густым и жарким.

Здесь, вдали от огней больших городов, всегда было чем дышать.

Мама лежала в спальне: тонкие руки вытянуты поверх одеяла, каштановые волосы разметались по подушке, сизые глаза лихорадочно поблёскивают из-под ресниц. Она слегла сегодня утром, но недавно ушедший лекарь заверил нас, что это обычное переутомление.

— Лайз, — слабо улыбнулась мама, когда я присела на краешек кровати. — Есть разговор.

Я покорно сложила руки на коленях, совестясь за то, что не успела их помыть.

— Слушай внимательно, — мама всё ещё улыбалась, отчего в уголках её рта вырисовались морщинки. — Во вторник утром вы с Эшем возьмёте машину и уедете отсюда. В Фарге.

¹ В валлийском фольклоре тилвит теги — златовласые феири, дружелюбные к людям (*Здесь и далее прим. авт.*).

Ещё прежде, чем я осознала всё безумие подобной затеи, перед моими глазами мысленно развернулись карты, которые мы изучали на географии.

— Фарге? Но... туда же через полстраны ехать!

— Вы поедете в Фарге, — непреклонно произнесла мама. Улыбка исчезла с её губ так же, как утром с этих губ исчезли краски жизни. — Остановитесь там в доме бабушки.

И бабушка, и дед — скромные представители славного аристократического рода Форбиден — умерли ещё до моего рождения. Я знала только, что у них был дом в Фарге, небольшом приморском городке на южном побережье. Мы с мамой жили там, пока отец не бросил её; потом уехали в мегаполис, и дом, в котором прошли первые годы моего детства, с тех пор стоял заброшенным.

— Ты уже не помнишь, но найти его несложно. Он в южных кварталах, почти у моря. Яблонная улица, дом тринадцать, — продолжила мама. — Ключ я дам.

— Но зачем? Мам, если ты не забыла, у меня завтра практика начинается, — в моём голосе прорезалось раздражение. — А вторник уже послезавтра, и даже если бы это не было послезавтра, я до середины августа не могу никуда...

— Лайз, вам грозит опасность. Нам всем грозит. Вы не можете оставаться здесь.

Я осеклась, ощутив, как губы сами собой растягиваются в глупой улыбке.

Моя дурацкая особенность — улыбаться, когда на деле мне совсем не смешно.

— Опасность? Что за опасность?

— Не спрашивай. Я не могу сказать. Но вы должны бежать отсюда. Если уедете, будете в безопасности. — Мама протянула руку, коснувшись моей ладони кончиками пальцев. — Просто пообещай сделать всё, что я скажу.

Лихорадочные мысли кружились в голове листьями на ветру.

...это же какая-то шутка. Просто глупая шутка, верно? Мы ведь самые обычные люди. Ну хорошо, мы с Эшем — самые обычные фейри-полукровки, но таковых пруд пруди. Мой брат — обычный школьник, я — обычная студентка-магичка, мама — обычный маг-артефактор. У нас с Эшем даже в школе среди одноклассников не было врагов: во всяком случае, таких врагов, что готовы были бы на настоящие подлости.

Не говоря уже о том, чтобы где-то обзавестись действительно серьёзным недругом.

— А ты? Если эти люди... или кто они... угрожают всем нам...

— Я не могу поехать с вами. Я останусь здесь.

— Но...

— Лайз, я правда хотела бы всё рассказать. Но не могу. — Мама настойчиво сжала мои пальцы своими. — Обещаешь, что поедешь? Без вопросов?

Тогда я решила, что мама умудрилась сделать какой-то опасный артефакт для какого-то опасного человека. Пусть это и совершенно не в её характере. Но то было единственное объяснение, которое я смогла найти. И поскольку я всегда была послушной дочерью, я выдохнула:

— Обещаю.

Её глаза посветлели от облегчения.

— У вас два дня на сборы. — Лицо мамы было измученным: резкие чёрточки морщин отчётливо пересекли лоб, переносицу, кожу в уголках глаз и губ. — Поедете послезавтра, как рассветёт.

— Mam, ты обращалась к страже? Если кто-то тебе угрожает...

— Нет. Мы не можем. Ты не можешь. И ты должна молчать, слышишь? Ни слова — ни Гвен, ни учителям, никому. Никто не должен знать, что происходит.

— Почему?

— Не спрашивай. Просто езжай. Ты обещала, помнишь?

Я долго сидела, глядя на неё, пытаюсь справиться с желанием закричать.

Встала — и, наклонившись, коротко поцеловала маму в щёку.

— Хорошо, — мой голос был таким же, как её кожа, сухая и холодная. — Эшу сама скажешь?

— Уже сказала. Перед тем, как позвать тебя.

Сказала? И после этого брат обратился ко мне таким обыденным тоном, с обычным отстранённым лицом?.. Хотя да, чему я удивляюсь.

Это же Эш.

— Прости, Лайз. Так нужно.

Я кивнула, прежде чем развернуться на пятках, не чувствуя пола под мягкими подошвами.

Я не помнила, как вернулась на веранду: только что перед глазами была дверь в мамину комнату, и вдруг — уже залитый солнцем сад. Села на деревянный табурет, рядом с круглым столом, за которым мы всегда ели с первых тёплых весенних деньков до первых осенних холодов.

Уставилась перед собой.

Вот ты живёшь обычной счастливой жизнью, ходишь в школу, поступаешь в колледж, помогаешь маме выращивать кабачки по примеру Пуаро... а потом раз — и погожим летним днём, ничем не отличающимся от прочих, тебе объявляют, что всё это позади. Что ты должна бросить всё, к чему привыкла и с чем сроднилась, и срываться не пойми куда, убегая от неведомой опасности.

Из-за чего? Из-за кого?..

— Что думаешь? — Лицо Эша заслонило собой зелёное пятно сада, когда брат опустился на табурет напротив.

Эш, мой маленький братик.. Я называла его маленьким, потому что была на пять лет старше, но уже тогда понимала — непостижимым образом в свои двенадцать Эш взрослее и меня, и мамы. Внутренний возраст и делал его глаза такими странными: взгляд старика при детском кукольном личике.

— Всё из-за её работы, да? — не дождавшись ответа, продолжил Эш негромко.

— Не знаю.

— И это странное переутомление тоже неспроста?

— Я не знаю, Эш. Не знаю. Но мы должны уехать.

— Хочешь сказать, мы просто послушаемся?

— Она взяла с меня обещание. С тебя, я так понимаю, тоже.

— Только вот мы уедем, а она останется здесь. Разбираться с тем, что нам угрожает, кем или чем бы это ни было. В одиночку.

Эш казался спокойным. Как всегда. Брат редко проявлял эмоции, особенно те, в которых он видел признак слабости: я могла по пальцам пересчитать случаи, когда замечала его плачущим.

— Мы всё равно ничем ей не поможем, Эш. Если мама на этом настаивает, значит, так нужно, — я старалась говорить твёрдо, но голос срывался в беспомощное бормотание. — Может, всё образуется. Может, на полпути к Фарге нас догонит звонок на графон, мой или твой, и мама велит нам возвращаться, и мы развернёмся и поедem домой.

— Может...

Эш опустил взгляд. Застыл, сцепив лежащие на коленях ладони в замок, с точёным лицом мраморной статуи.

Не обманываясь мнимым бесстрашием брата, я встала, чтобы обнять его.

— Всё будет хорошо, Эш, — сказала я, когда золотокудрый висок и бледная щека прижались к принту на моей футболке. — Обязательно.

И когда тот обнял меня в ответ, тоненькими руками обхватив мои ноги над коленками, почти сама верила в собственные слова.

Почти.

❖ ❖ Когда-то ❖ ❖

Буковый лес шелестит листьями под дождём. Деревья высокой аркой раскидывают ветви, чья зелень на несколько тонов светлее мха, поросшего на толстых узловатых стволах. Там, где землю не скрывает ковёр из широких листьев майника и маленьких сердечек кислицы, бусинами синее черника и дикие лютики желтеют россыпью крохотных солнц, обрамляя тропинку, по которой идёт девушка, оглашая лесные своды песней.

Низкий голос с бархатистыми нотками эхом разбивается в каплях дождя, ласкает слух и согревает сердце. С ним неважна сама песня, неважен мотив или слова — одного звучания достаточно, чтобы зачарованно слушать всё, что бы ни было спето. Но девушка не рассчитывает на слушателей: она поёт для себя, не в полный голос, рассеянно глядя под ноги, и думает совсем о другом.

Впрочем, слушатели у неё всё же есть.

Светловолосый юноша выскользывает из-за ствола бука прямо перед певуньей спустя пару мгновений после того, как затихает отзвук финальной ноты. Он движется легко, как тень, до сего момента сливавшаяся с гладкой серой корой, и когда девушка отшатывается в испуге, он улыбается:

— Это было прекрасно, Вэрани́.

В этой улыбке — трепет и спокойствие, озорство и мудрость, весёлость мальчишки, лишь недавно утрадившего интерес к игрушкам, и усталое лукавство старика, повидавшего весь мир. В его голосе — зов и музыка, чары и путы, ласковый шёпот огня, греющего тебя студёной зимней ночью, и прохлада ручья, что утолит жажду в летний зной. Лицом он кажется не старше той, что застыла напротив, — вчерашней школьницы, едва ли встретившей восемнадцатую весну, — но сказать, сколько ему лет на самом деле — всё равно что с лёту ответить на вопрос, сколько воды в океане.

Девушка запускает руку в карман и отступает на шаг, настороженная, как лань, заметившая хищника, готовая в любой момент сорваться с места и бежать:

— Стой, где стоишь!

— Не бойтесь, Вэрани. — Лютики льнут к его босым ногам — он непостижимым образом прошёл к тропинке по покрову из черники и цветов, не раздавив ни единой ягоды, не примяв ни одного стебля. — Я Коул из рода Дри, принадлежащего ко Благому двору. Я не причиню вам вреда.

Глаза девушки ширятся — они сизые, как тучи, виднеющиеся в просветах меж листвой, которую дождь обсыпал мокрым прозрачным бисером.

— Ты... сид? С Эмайн Аблаха?¹

Коул кивает; в его исполнении простой жест кажется изысканнее куртуазного поклона.

¹ Сид, или сидхе, — в мифологии ирландских кельтов «Люди Холма», общее название для обитателей потустороннего мира, вход в который, по многим преданиям, располагался под холмами. Эмайн Аблах — «Яблочный остров», кельтское название Авалона: мифического острова из кельтских легенд, куда, по преданию, был увезён легендарный король Артур для исцеления после последней своей битвы.

— И что же ты делаешь здесь? — Подозрительности его собеседницы новое знание не умеряет. — На экскурсию выбрался?

— Захотел посмотреть, как живут люди и наши низшие собратья. А что делаете здесь вы? Одна, за городом, в дождливый день?

— Я... просто... прихожу сюда время от времени. — Девушка, будто смутившись, заправляет за ухо прядь каштановых волос. — Говорят, здесь есть прореха, через которую можно случайно попасть на Эмайн. К вам.

— В чём-то они правы. Но случайно туда никак не попадёшь. — Коул тихонько смеётся; смех этот почти зримо рассыпается в воздухе серебристыми бликами, танцующими с ливнем отзвуками затихающих арфовых струн. — А вы не боитесь? Что замечтаетесь и забредёте в Дивную Страну?

— Я учусь на мага, так что знаю о прорехах побольше некоторых. А даже если б не знала, в жизни бы не поверила, что сиды могут кого-то *случайно* к себе пропустить. Иначе люди или какие-нибудь глейстиги вам бы житья не дали, шастая туда-сюда.

— И зачем же вы выбрались в пустынный лес, к прорехе, ведущей к нам?

— Подумать. Побывать одной. — Девушка резко отворачивается. — И вообще, не твоё дело.

— Чем же я не угодил вам? Ах да, как там писал один ваш поэт... *«На тех, кто блуждает в долинах и в горах, волшебный народец наводит лютый страх»*?¹ — с губ Коула не сходит улыбка. — Я бы на вашем месте, Вэрани, не верил тем, кому так и не довелось своими глазами узреть ни нас, ни наш мир.

¹ Из стихотворения Уильяма Аллингхэма «Фейри», перевод Ольги Нуар.

Она оглядывается через плечо — во взгляде сквозит удивлённое любопытство:

— Ты знаешь наши стихи?

— Вы ведь любите книги, пришедшие к вам из дальних стран. Нам вдвойне забавно читать, что о нас пишут здесь. — С насмешливым поклоном Коул протягивает ей руку, тонкую и бледную, как лебяжье перо: — *О дитя, иди скорей в край озёр и камышей за прекрасным фейри вслед — ибо в мире столько горя, что другой дороги нет*¹.

В девичьем лице нет ни намёка на симпатию. Даже интерес угадывается лишь в том, что она, явно приготовившись уйти, всё ещё стоит вполоборота, пока лиственный полог над их головами роняет вниз дождевой жемчуг, тающий в её волосах.

— Йейтс, к слову, узрел. И вас, и Эмайн, — сообщает девушка. — Знаешь, что он о вас писал? *«Я верю, что природа исполнена невидимых нам существ. Иные из них уродливы, иные способны вызвать страх, они бывают злыми и глупыми...»*

— *«...но есть среди них и прекрасные, настолько, что мы и представить себе их красоты не в состоянии. Ещё я верю, что когда мы бродим, не спеша, в местах красивых и тихих, вот эти как раз, самые из них прекрасные, от нас невдалеке»*, — заканчивает Коул, тростинкой распрямляя гибкий стан. — Я читал «Кельтские сумерки», Вэрани. И неплохо их помню. — Сид заглядывает в глаза напротив, где меж тёмных ресниц плещется сизый холод. — На мой взгляд, это место достойно того, чтобы зваться красивым и тихим. А вам как кажется?

Девушка только фыркает.

¹ Из стихотворения Уильяма Йейтса «Украденное дитя», перевод Григория Кружкова со вставкой автора.

— Знаешь, Коул из рода Дри... я видела немало полукровок, родившихся от таких, как ты, и таких, как я. Сначала вы влюбляетесь в смертных дев, так непохожих на ваших дам. Потом очаровываете их, заставляя влюбиться в ответ. А потом вам наскучивает их убогий мирок, и вы возвращаетесь на свой Эмайн, оставляя девам на память тоску, разбитое сердце и пару голодных златокудрых детишек. — Она одаривает пришельца презрительным взглядом, прежде чем наконец направиться прочь. — Последнее, чего я хочу — пополнить этот список. Удачной экскурсии.

Коул не делает ничего, чтобы её остановить. Просто смотрит, как её фигурка удаляется по тропинке туда, где над верхушками старых буков виднеются вдалеке небоскрёбы из стекла и бетона, размывающиеся в дождливой дымке.

Когда девушка на миг оборачивается, сида уже нет.

Она пожимает плечами и, не сбавляя темпа, идёт к выходу из леса. И не замечает, как позади неё ритмично пригибается мокрая трава: так, словно кто-то незримый следует за ней по пятам.

❖ ❖ Нынешнее время ❖ ❖

Я плохо помню остаток того дня. Разговор с мамой перебил все воспоминания. Кажется, я ещё повозилась в саду, машинально выполняя привычные действия, пытаюсь не думать обо всех вопросах, что жгли меня изнутри. С ощущением, походившим на то, что порождает вырванный зуб. Я не особо задумывалась о будущем, но знала, что мне не стоит беспокоиться по этому поводу; теперь будущее (ожидаемое будущее — с практикой в колледже, сериалами по вечерам и походами в кино с подружкой) исчезло, оставив вместо себя болезненную пустоту, и только

в этот момент я ощутила, как мне нужно было утраченное.

Потом я допоздна разбиралась в одежном шкафу, укладывая чемодан, пытаюсь сообразить, что из вещей нужно взять с собой в Фарге. В какой-то момент поняла, что, возможно, беру слишком много — я ведь не знала, едем мы на неделю или на месяц, — и решила посоветоваться с мамой, если она не спит.

Конечно, надо было это сделать раньше. Когда я принесла ей ужин, например. Но тогда на язык рвалось слишком много вопросов, а поскольку я обещала их не задавать, то просто поставила поднос на табурет рядом с кроватью и ретировалась. Так что теперь я вышла из комнаты и, тихонько скользнув мимо спальни Эша, в которой свет уже не горел, направилась к маминной.

Подойдя к двери, я вдруг услышала её голос:

— ...разве так не будет безопаснее?

Я застыла, прислушиваясь. Ответа на вопрос не последовало, но мама продолжила — и, казалось, разозлилась:

— Что значит «присмотришь»? Ты — и присмотришь?!

Я мялась под дверью, борясь с желанием толкнуть её и посмотреть, кому это мама названивает по графону в два часа ночи.

Или кто названивает ей.

— Да, не доверяю! — мама сорвалась на крик. — Если всё, что ты понарасказывал, правда, всё это — твоя вина! А теперь я должна просто сидеть дома и ждать?! Пока ты... ты...

Не выдержав, я рванула дверную ручку.

Мама стояла у открытого окна. Заслышав скрежет металлического язычка в замке, тут же рывком повернулась ко мне — длинную рубашку колышет ветер, волосы лохмами свисают вдоль белых щёк. Ночник, горевший рядом с кроватью, бросал отблески на её лицо, где те ложились

под глаза тёмными пятнами, и на металлическую трубку графона, валявшегося без дела на прикроватной тумбе.

— Лайза, — родной голос резанул непривычной сталью, — что ты здесь делаешь?

За распахнутыми оконными створками никого не было. Лишь шелестели в ночи раскидистые кусты сирени, из-за которых в маминной комнате никогда не бывало светло. Из-за них же трудно было вообще подойти к маминному окну... не говоря уже о том, чтобы моментально, абсолютно бесшумно от него отойти.

Может, её собеседник телепортировался? Или наложил на себя чары невидимости?..

— Я... просто хотела спросить, на сколько мы едем. Чтобы знать, какие вещи брать с собой.

— Я не знаю, когда вы сможете вернуться. — Мама ожесточённо захлопнула оконную раму. — Бери на долгий срок.

Под пристальным сизым взглядом я попятилась, чтобы покладисто кивнуть и пожелать спокойной ночи. Закрыв за собой дверь, прижалась спиной к стене, пытаясь осмыслить услышанное.

Тряхнув головой, прокралась обратно в свою спальню, бесшумно ступая по старому паркету, доставшемуся нам в наследство от предыдущих хозяев.

Весь этот день был абсолютно ненормальным. Будем надеяться, поутру я открою глаза и обнаружу, что всё это мне приснилось.

Я долго бреду по тёмному лесу, полному старых скрюченных буков, пока не вижу вдали просвет. Тогда я бегу туда, но застываю, как только выскакиваю из лесной темени навстречу серому свету дня.

Я стою на краю круглого котлована размером с маленький городок. Безжизненного, выжженного, будто что-то взорвалось в самом его центре и огненная волна уничтожила всё, что раньше было на его месте, а успокоилась, лишь дойдя дотуда, где сейчас я всматриваюсь в мёртвую землю, замерев над отвесным обрывом. По ту сторону котлована угадываются на горизонте полуразрушенные небоскрёбы; стекло, что могло бы блестеть в дневном свете, давно осыпалось с них, оставив голый бетон. Развалины города потихоньку рассыпаются в пыль под равнодушными летними тучами, предвещающими грозу.

Что здесь произошло? Как я тут оказалась?..

...в этот миг я чувствую *взгляд*. Будто чьи-то склизкие липкие пальцы касаются моего лица.

Откуда-то зная, куда смотреть, я поворачиваю голову вправо — и вижу *это*.

Можно подумать, что в нескольких ярдах¹ от меня стоит мужчина в чёрном брючном костюме, но тьма этого костюма — абсолютная. Он сам — чернота: изменчивая и вкрадчивая, насыщенная и зыбкая, оживший сгусток ночного мрака. Ноги его не касаются земли, а лицо...

Это главная проблема.

Вместо лица у него — та же чернота, принявшая очертания человеческой головы. Непроницаемая. Безликая.

Я отшатываюсь, когда он шагает ко мне. Не шагает даже (я не замечаю, чтобы ноги его двигались), а вдруг исчезает с места, где был только что, и в следующую секунду возникает ближе. Ужас комком сворачивается в животе, оттуда тянет ледяные щупальца к сердцу, к горлу, катится холодной волной от шеи до кончиков пальцев...

Я разворачиваюсь, чтобы рвануть обратно в лес.

¹ Мера длины, равная 0,91 м.

Я бегу, не разбирая дороги, не оглядываясь, но чувствую, что *оно* идёт за мной. Преследует, не отставая, прожигая взглядом спину.

Как оно может смотреть, если у него нет глаз?..

Вдали показывается что-то белое. Эта белизна кажется странным противопоставлением черноте, что наступает мне на пятки, и, не задумываясь, я бегу туда; приблизившись достаточно, чтобы разглядеть цель, спотыкаюсь. Замираю — даже несмотря на тварь, что (я знаю) приближается сзади.

Это висельник. Девушка в белом платье. Она висит спиной ко мне, едва заметно покачиваясь, описывая ногами небольшую дугу; длинные волосы каштановой волной падают на худые плечи, на безвольные руки, тонущие в пене молочных кружев. Я не вижу её лица, но есть в ней что-то до боли знакомое.

В миг, когда я хочу подойти к висельнице, я понимаю, что не могу сделать и шага. Из-за страха, что оказывает колючими мурашками, парализует, сковывает по рукам и ногам. Из-за ощущения, что нечто гадкое — до омерзения, до тошноты, до рвоты — дышит мне в затылок.

Оно прямо за моей спиной...

Я закрываю глаза — и верещание будильника выдёргивает меня в реальность.

Уставившись в родной знакомый потолок, я кое-как одной рукой нащупала графон, заливающийся звоном на тумбочке. Ткнула пальцем в кнопку, вызывающую голографический экран; выключила будильник, и визг оборвался. Точно... Мне же сегодня на практику. За вчерашними событиями умудрилась об этом забыть. А вот будильник, к счастью, не забыл.

Слава богам. Приснится же такое...

Повалявшись ещё минуту, борясь с желанием провалиться обратно в дремоту, я села в постели. Щурясь,

окинула взглядом спальню, освещённую рассеянным светом солнца, что просачивалось через рыжие шторы; золотой свет тёплыми бликами ложился на лица Дэвида Боуи и Queen, смотревших со стены в полном составе — раритетные плакаты украшали ещё комнату мамы в молодости, но она привила любовь к своим кумирам и дочери, так что атрибуты юношеских увлечений передала мне по наследству. Ну и бардак я вчера устроила... Все ящики комода выдвинуты нараспашку, мохнатый ковёр, стул и даже письменный стол завалены вещами.

Встав, я перешагнула через раскрытый чемодан, который вечером оставила рядом с кроватью, — и тоскливо осознала, что вчерашний день мне всё-таки не приснился.

Когда я вышла на кухню, Эш сосредоточенно жарил оладушки.

— Дай мне. — Я попыталась отгеснить его от плиты.

— Тебе некогда. — Брат ловко перевернул очередной оладушек деревянной лопаткой. — Скоро в колледж выходить.

— Никуда я сегодня не пойду. Хочу побыть с мамой, раз нам завтра уезжать.

— Она выходила ко мне час назад. Как услышала, что я встал. И сказала, чтобы ты не вздумала пропускать сегодняшнюю практику.

Моя рука, уже тянувшаяся отобрать у него лопатку, замерла над пластиковой столешницей.

— А потом сказала, что плохо себя чувствует и ложится спать. И чтобы мы не вздумали её будить. И дверь магией заперла, — добавил брат, щёлкая по сенсорным кнопкам, убавляя температуру электрической конфорки. — Стучаться бесполезно, я пробовал.

Пальцы сами собой сжались в кулаки.

Нам грозит опасность, от которой вечером мы соvrёмся на другой конец страны, — а теперь мама тре-

бует, чтобы я как ни в чём не бывало шла в колледж?.. Впрочем, если подумать, в этом есть резон. Наверное, до вечера мы с Эшем должны создавать иллюзию того, что ничего не знаем, дабы не провоцировать неведомого врага.

С другой стороны...

— Тебе тоже всё это кажется неправильным и странным?

— Не более странным, чем вчерашнее. — Эш аккуратно переместил последние оладушки со сковородки на тарелку. Протянул мне готовый завтрак: — Держи. Чай я отнёс на стол остывать.

Вздохнув, я благодарно потрепала брата по светлым кудряшкам — на утреннем солнце они почти светились золотом, необычно ярким для людей. Приняв тарелку, вышла на веранду, чтобы уже за столом вспомнить про кленовый сироп.

Досадливо прикрыв глаза, я вскинула руку, в подробностях представляя стеклянную бутылочку на полке в шкафу:

— *Кварт эир*, — заклятие прозвучало почти песней, — *ле до хойль э хорди руд*.

Ответом мне был тихий звонкий стук, с которым коснулась скатерти бутылка, благополучно переместившаяся из кухни на стол передо мной. Прелести бытия потомственной колдуньей... Я изучала магические искусства на школьном факультативе и вот уже два года — в колледже, но телепортацию — даже мелких объектов — преподавали только в университете. Так что мамины учебники, которые остались у неё после бакалавриата, пришлось кстати. В теории я могла телепортировать и что-то покрупнее бутылки (заклятия работали по одному принципу, да и формула переноса людей и крупных объектов была несложной), однако сил на это расходовалось больше, чем позволял мой

скромный колдовской резерв. Единственный раз, когда я любопытства ради телепортировалась из спальни в сад пару лет назад, стоил мне нескольких часов слабости и головокружения, и с тех пор повторять фокус я не решалась.

Я залила оладушки сиропом так щедро, что от сладости у любого могли бы слипнуться зубы. Несмотря на это, завтрак я пережёвывала, не чувствуя вкуса: с тем же успехом Эш мог накидать в тарелку травы.

Зачем мне идти в колледж? Зачем это маме? И как, фоморы меня побери, я объясню учителю, почему срываюсь в другой город, едва начав практику, которая мне нужна больше, чем кому-либо? Сказаться больной? Или вообще ничего не объяснять — просто взять и исчезнуть?..

— Лайза, ты, ленивая задница! Почему ты ещё не поела?!

Когда я подняла голову, у калитки в наш сад сердито махала руками Гвен.

...ладно. Обо всём, что сейчас вгоняет меня в ступор, подумаю потом.

— Минуту! — торопливо глотнув чаю, я поднялась из-за стола. — Заходи пока!

Когда, наспех одевшись, я вернулась на веранду, Гвен скучающе бродила туда-сюда по садовой дорожке, периодически отправляя в рот спелые розовые ягоды с крыжовенных кустов. Утреннее солнце соскальзывало с белого шёлка её волос, золотило смуглую кожу вытянутого лица, высветляло ореховые глаза до кошачьей желтизны; каждый шаг сопровождали шелест длинной юбки и цокот того, что я когда-то приняла за каблучки. Высокая, стройная, миловидная, в этой юбке Гвен казалась обычной человеческой девчонкой... но она была глейстигом, и изумрудный шёлк, почти подметающий подолом землю, скрывал оленьи копытца. Глейстигов,

брауни, баньши, селки — всех фейри, обитающих в нашем мире, отличали черты, которые веками заставляли людей считать их «уродцами». Существами второго сорта. У обитателей Эмайна эти черты и сейчас не вызвали бы ничего кроме презрения. Наверное, поэтому златокудые шутники тилвит теги и благородные дин ши¹, периодически выбиравшиеся со своего блаженного Эмайна в наш мир, обольщали исключительно человеческих женщин...

К счастью, мы переросли глупые предрассудки. Сто лет назад Гвен носила бы длинную юбку, чтобы скрыть копытца. Теперь — просто из любви к вычурным нарядам.

— Чего ты так долго сегодня? — укоризненно протянула Гвен, пока я спускалась по деревянным ступеням веранды.

— Проспала.

Я решила не вдаваться в подробности. И в этот момент была рада, что за семнадцать лет неплохо научилась скрывать от окружающих то, что у меня на душе — даже от лучшей подруги. С Гвен я порой делилась тем, что не могла обсудить с Эшем, не нарвавшись на сарказм, или с мамой, не получив в ответ лекцию о правильной расстановке приоритетов и главенстве важного над личным (иными словами, сперва мне нужно закончить университет и обрести профессию, а потом уже думать о такой ерунде, как романтические отношения, будто сам факт наличия у меня личной жизни мог пустить под откос всю остальную). Но всё же негласным девизом нашего семейства было «семейные проблемы остаются в семье».

Да и не только семейные.

¹ В ирландском фольклоре — героические фейри, легендарные воины, никогда не терпевшие поражения.

Прикрыв калитку, мы вышли с нашего участка, мимо кабачков и крыжовника поросшего старыми яблонями, на пустынную улицу. Асфальтированная дорога грелась на солнце меж двумя рядами низких домов с просторными садиками: типичный пейзаж провинциального городка. Мимо лениво проехал электромобиль, сверкнув солнечной батареей, встроенной в крышу, и устремился к центру Мойлейца.

Проводив его взглядом, мы с Гвен зашагали в ту же сторону.

— Представляешь, вчера, когда мы после кино разошлись, я решила ещё прогуляться и встретила Лизабет! — привычной скороговоркой подруга вплетала свежие сплетни в мелодичный цокот копыт по асфальту. — И знаешь, с кем она под ручку гуляла? В жизни не угадаешь! С Полом! Лизабет и Пол, как тебе? Я весной и подумать не могла, что...

Я только кивала. На самом деле Гвен не нуждалась в моих ответах: вопросы являлись риторическими, а вставлять свои пять пини¹ в поток её нескончаемой болтовни было занятием неблагодарным и бесполезным.

Мы познакомились с Гвен, как только переехали из города сюда, в Мойлейц. Мне тогда было тринадцать, и я неописуемо страдала от расставания со школьными друзьями. Помнится, когда мама объявила о переезде, я долго рыдала, пытаясь заставить её передумать — тщетно. Причины, почему мы сорвались из мегаполиса в провинцию, обменяв трёхкомнатную квартиру в престижном квартале на нынешний маленький дом, так и остались для меня туманными. Сейчас я уже не роптала — тихий живописный Мойлейц, где даже в центре дома не превышали пяти этажей, нравился мне куда больше воспоминаний о лабиринте стеклянных небо-

¹ Мелкая монетка (*харлер*).

скрёбов, — а вот в тринадцать переезд стал для меня трагедией. Гвен жила на той же улице и ходила в ту же школу, что я, и в первый же день меня посадили к ней за парту. Сперва непривычно было сидеть рядом с кем-то, тем более с феями (в прошлой моей школе парты были рассчитаны на одного), но я быстро привыкла.

...а не был ли и тот наш переезд связан с неведомой историей, из-за которой теперь нам с Эшем придётся снова внезапно сменить место жительства?..

— Я сегодня ужасно спала, — пожаловалась Гвен, когда у неё кончились новости про запутанные отношения наших однокурсников. — Легла вроде рано, но кошмары снились.

— Кошмары? — Я вспомнила свой сон. — О чём?

— Бред какой-то. — Подруга передёрнула плечами, обтянутыми шёлком нежно-зелёного платья. Рядом с Гвен я со своими рваными джинсами, футболкой с принтом и красными «конверсами» казалась девчонкой-сорванцом. — Чёрный человек без лица.

Холод — ледяное эхо того же ужаса, что во сне лишил меня сил и воли, — расплзся по телу, невзирая на жару летнего утра.

— Без лица?..

— Гонялся за мной по всему дому. Давно так не радовалась будильнику.

— Как и я.

В ответ на моё бормотание Гвен удивлённо вскинула тонкую белую бровь:

— Хочешь сказать...

— Да. Мне тоже он снился.

Подруга пожевала губу, маленькую и пухлую, как кофейная мармеладка.

— Что-то Повелитель Кошмаров расшалился, — изрекла она наконец. — Интересно, ещё кому-нибудь сегодня ночью явилось это чудище?

Я с сомнением воззрилась на зелёную изгородь дома, мимо которого мы проходили, высившиеся над ней яблони и газон вдоль дороги, пожухлый от зноя.

Теоретически наши сновидения и правда мог наслать Повелитель Кошмаров... он же Повелитель Тьмы, он же тёмный бог Донн, он же предводитель Дикой Охоты. В долгую ночь Самайна¹, когда Донн выезжает в наш мир на вороном коне во главе своры мстительных духов, злобных псов-оборотней и прочих жутких тварей (которых в других странах называли демонами, а мы окрестили фоморами), ни людям, ни фейри лучше было не спать. Всем, кто засыпал, снились кошмары: мучительные, до жути реалистичные и всегда — одинаковые. Будто всех жителей Харлера, которым не повезло задремать на повороте Колеса Года, затыгивало в один и тот же сон, созданный богом в качестве особого праздничного подарка.

Но с чего бы Донну делать это посреди лета, когда до Самайна ещё так далеко?..

— Не знаю, — откликнулась я, пока зелёную изгородь сменял низкий белёный заборчик, за которым вместо яблонь красовались розовые кусты, а очередной коттедж уплыл за наши спины, чтобы уступить место другому. — Надо будет у Эша спросить.

Ещё одна странная странность. И на сей раз не только странная, но и страшная.

Ладно, об этом, пожалуй, я тоже поразмыслю потом.

Мы дошли до оживлённого перекрёстка, где на светофоре загорелся зелёный. Удачно — не пришлось перебегать на красный, а то мы с Гвен частенько этим занимались. По зебре перехода пройдя мимо скучающе

¹ Кельтский праздник окончания уборки урожая, позже трансформировавшийся в Хеллоуин; отмечался в ночь с 31 октября на 1 ноября.

жужжащих мобилей, приторможенных бдительным алым глазом на бетонном столбе, оказались в кленовом сквере, ведущем прямым к колледжу; листья бросали пятиконечные звёздные тени на асфальт и прохожих, торопившихся по своим делам.

С тринадцати лет по утрам мы встречались с Гвен у моей калитки, чтобы идти в школу вместе. Два года спустя поступили в один и тот же колледж, на трёхгодичную программу преуниверситетской подготовки: в Кембридж или Оксфорд мы не метили, но попасть на факультет магических искусств в Лондонском университете рассчитывали. Оба пройденных курса закончили на восьмёрки и девятки (ладно, несколько семёрок затесалось, но ничего ниже) и заслуженно гордились парой десятков. В конце концов добились, чтобы на летнюю практику перед третьим курсом нас распределили к мастеру Тинтрэ, который вёл у нас курс преобразования энергии — мой любимый предмет.

А теперь мне придётся бросить долгожданную практику после первого же занятия... Блеск.

— Думаю, беспокоиться не о чем, — сказала Гвен, когда мы приблизились к трёхэтажному зданию красного кирпича; жестяная крыша под полуденным солнцем сияла так, что отблески резали глаза. — В конце концов, это просто сон. Привет, Пол, привет, Бет! Готовы к новым мучениям?

Я молча поднялась по широкому гранитному крыльцу к двустворчатым дверям колледжа, вяло махнув рукой однокурсникам, в ожидании практики задымлявшим воздух арбузными парами от вейпа.

По правде сказать, я не была согласна с её словами. И не была уверена, согласна ли со своими словами сама Гвен.

Но, с другой стороны, что нам оставалось делать?

— ...игральные кости в качестве боевых артефактов хороши, даже несмотря на малую энергоёмкость. Впрочем, всё лучше карт. — Заложив большие пальцы в карманы шёлкового жилета, мастер Тинтрэ прохаживался между партами, наблюдая за нашими мучениями. — Карты как боевые артефакты удобны, и работать с ними проще всего — потому их и зачаровывают в рамках стандартного учебного курса. Но они, к сожалению, маловместительные. Зато когда доберёмся до драгоценных камней... Самые мощные и функциональные артефакты. Прекрасные резервуары для энергии любого типа. «Пустой» камень можно обратить в источник чистой магической силы — на случай, если вам не хватает собственной. Принцип работы тот же, что с кристаллами, которые мы осваивали в первом семестре. Можно поместить в камень любое заклинание, даже проклятие, вытянутое из человека. А для активации скрытых в камнях заклятий не нужно слов: достаточно броска, удара или соприкосновения с живым объектом. Зависит во многом от свойств того, что заключено внутри, однако и сам создатель артефакта...

Я украдкой подняла взгляд.

Совсем ещё не старый — едва ли за сорок — мастер мог показаться седым, но на деле кудри его были серебристо-белыми. Видимо, подарок предка из дин ши. Глаза скрывали затемнённые очки с маленькими круглыми стёклами, придававшие его худому лицу непроницаемость секретного агента; жара вынудила мастера сменить обычный строгий костюм на светлые брюки и хлопковую рубашку, но даже лето не заставило его отказаться от жилетки.

Отерев пот со лба — в аудитории было жарковато, — я вновь склонилась над своей костью: самый обычный игральный кубик из обсидиана с шестью гранями, помеченными нужным количеством белых точек.

— ...впрочем, возвращаясь к костям. Принцип атаки тот же, что с картами, но с одним нюансом. Для активации заклятия, скрытого в карте, достаточно кинуть её в противника, приложив капельку ментальных усилий. Соответственно, самая большая трудность — достать из колоды ту, что вам нужна. Маги для этого прибегают к элементарному заклятию Призыва, обычные люди довольствуются тем, что складывают карты строго определённым образом. Но в костях скрыто не одно заклятие, и ни одно из них не сработает, если не назвать номер грани, к которому привязано интересующее вас заклинание. Так что...

Я повернула кубик, чтобы сверху оказалась грань с четырьмя точками. Сжав его в кулаке, сосредоточилась, стараясь не слушать тихое бормотание однокурсников, доносившееся со всех сторон.

Когда я разомкнула губы, с первым же словом на моей руке жемчужно-белым светом проявились извилистые линии магической печати, оплетавшие кожу от предплечья до кончиков пальцев.

— *Ашке гам орт, ле форнайт аэр...*

Кубик в моей ладони запылал жарким снежным сиянием, пробившимся даже сквозь плотно сомкнутые пальцы. Потoki силы, текущие по руке, хлынули в костяную безделушку в моём кулаке. Где-то сбоку послышался треск, потом — вскрик и искристое шипение; воздух наполнил запах гари, но я только зажмурилась.

Не отвлекаться. Контроль, ежесекундный контроль. Постоянно регулировать количество силы, вливаемой в кубик. Иначе последствия могут быть катастрофическими.

— *...блинджед мо наймджэ, абхэ ар мо хосэндж!*

Мысленно замкнув силовой контур, я ощутила, как остывает кубик в моей руке. Открыла глаза — и, разжав ладонь, удовлетворённо опустила кость на парту.

За два курса мы изучили немало разных заклятий, но теперь задание было куда интереснее: вложить заклинания в кубик, зачаровав все шесть его граней, и оставить дремать там — до момента, пока не понадобится активировать их, назвав нужную цифру и бросив кость в противника. В итоге получалось что-то вроде магических пуль.

Сколько сотен таких кубиков на моей памяти зачаровала мама, я и не вспомню.

— Четвёртое есть, — констатировала я, пока Гвен фиксировала каждое действие в свой графон. — Сколько у нас осталось времени?

— Десять минут. — Подруга сосредоточенно смотрела в голографический экран: тот мерцал над серебристой трубкой графона, лежавшего на парте, пока пальцы Гвен ловко бегали по иллюзии клавиатуры, спроецированной на столешницу. — Пятую уже не успеем.

Родись мы лет на двадцать раньше, и пришлось бы таскать с собой на учёбу громоздкие ноутбуки (они ещё и весили больше килограмма, мама рассказывала). Это сейчас хорошо: и средство связи, и персональный компьютер в одной компактной металлической штучке, проецирующей голограммы. Впрочем, когда-то студентам вообще вручную писать приходилось...

— Ладно, тогда завтра придётся тебе продолжить, — сказала я — прежде чем сообразила, что завтра меня в Мойлейце уже не будет.

...нет, не думать об этом. Потому что я так и не придумала, как объясню своё исчезновение, вернувшись в город осенью.

Если мне вообще суждено вернуться.

Я покосилась на соседнюю парту: Хелен и Джилл, две баньши¹, готовившиеся к поступлению на кафедру теоретической магии, сокрушённо взирали на обгорелые осколки своего кубика, раскиданные по столешнице. Понятно... Вложили слишком много силы за раз. Для этого мастер перед началом урока и велел нам надеть защитные очки, напоминавшие маски для подводного плавания: отлетит осколок кости в глаз, и пиши пропало.

— Мисс Форбиден, — послышалось из-за моего плеча, — позвольте взглянуть?

Гвен заметно занервничала. Я взяла кубик двумя пальцами, чтобы передать учителю.

Мастер Тинтрэ повертел кость в ладони — одновременно с тем, как на коже его полыхнуло плетение отрывистых зеленоватых линий, убежавших под длинный рукав рубашки. Говорят, печать отражает характер мага, но я никогда не сказала бы, что в характере Александра Тинтрэ есть острые углы. А вот моя вполне соответствовала этому утверждению: в четыре года, когда печать впервые проявилась, выдав во мне юного мага, она состояла из весёленьких жизнерадостных спиралей, однако с возрастом рисунок менялся, расправляясь из крутых завитков в плавный изгиб узора, напоминавшего стебли вьюнка. Хорошо хоть печать проявляется, только когда кождуешь... Не хотелось бы мне, чтобы она торчала на руке эдакой татуировкой, позволяя каждому встречному делать о тебе далекоидущие выводы.

— Четвёрка ослепляет, — комментировал мастер, неторопливо проворачивая кубик в пальцах, — тройка

¹ В ирландском фольклоре — дух женщины, предвестница смерти; согласно поверьям являлась возле дома обречённого на смерть человека, стопами и рыданиями возвещая, что час его кончины близок.

парализует, двойка создаёт морок, а единица... щитовой барьер? — Хмыкнув, учитель кинул кость обратно на парту. Лишь сейчас я заметила, что окружающие забросили собственные экзерсисы, глядя на нас. — И почему же барьер, мисс Форбиден? Я понимаю, если бы защитная сфера, но её мы будем изучать лишь в следующем году, а щит... Вы ведь в курсе насчёт радиуса действия этого заклинания.

— Если кинуть четыре кости вокруг себя, создав четыре щита со всех сторон, получится аналог сферы, — пояснила я. — Это будет быстрее и эффективнее, чем тратить силы на создание сферы такого размера. Учитывая, что лично моих сил всё равно не хватит на то, чтобы долго её поддерживать.

Мастер удовлетворённо почесал подбородок:

— Четыре кости, значит... а у вас творческий подход, мисс Форбиден. Всем бы здесь такой.

Гвен надулась от гордости, но я под чужими взглядами неловко ссутулилась.

Любимчики учителей редко пользуются любовью однокурсников. Меня спасало то, что я охотно делилась конспектами, помогала менее усердным товарищам готовиться к очередному зачёту и дружила с Гвен, которая, в свою очередь, дружила со всеми. Иначе я бы наверняка стала изгоем, особенно учитывая регулярные отказы от пьянок после экзаменов и походов в бар с ребятами: крепкий алкоголь нам пока не наливали, но на пиво, вино или сидр после шестнадцати мы вполне могли претендовать. Да только ни пиво, ни вино, ни сидр мне не нравились, мама была против, а для шумных посиделок я была слишком глубоким интровертом. Любые сборища, где количество участников превышало пять-шесть человек, очень скоро вызывали у меня желание сбежать на поиски пустой комнаты, где можно закрыться и посидеть в тишине. Так что я предпочита-

ла выбираться в кафешки вдвоём с Гвен или коротать наш совместный досуг за сериалами, читать и обсуждать прочитанное с Эшем, а иногда вообще бродить по городу в одиночестве — случалось у меня и такое настроение...

— На сегодня время вышло. Упаковывайте кости в контейнер. Если есть что упаковывать, — добавил мастер. — Завтра продолжите работу, поменявшись местами.

Гвен торжествующе щёлкнула на графоне кнопку дезактивации, вынудив экран и клавиатуру растаять в воздухе. Пока подруга складывала вещи, я возвратила кубик в картонную коробочку, аккуратно подписанную маркером «Элайза Форбиден, Гвен Хайлин». Там уже лежала одна готовая кость и две, которые только предстояло зачаровать. Отстояв небольшую очередь из приунывших студентов, я отнесла контейнер на учительский стол; встретившись со мной глазами, мастер тепло улыбнулся, и я ответила ему улыбкой.

Наша любовь была абсолютно взаимной. Моя — к одному из самых прекрасных учителей, что мне попадались за жизнь, и его науке. Мастера — к пытливой, понятливой и многообещающей студентке, которая собиралась сделать его предмет своим призванием. Для боевого мага мой потенциал был слабоват: и силёнок маловато, и скорость реакции так себе. Тихо сидеть за партой, сплетая магические формулы, неторопливо преобразовывая разлитую в воздухе энергию в нечто большее, — другое дело. Потому я и хотела стать магом-артефактором — с тем, чтобы созданные мной артефакты использовал кто-то другой...

По сложной цепочке мыслей и ассоциаций скользнув к воспоминаниям о неведомой опасности, я разом перестала улыбаться. Спешно отвернулась, пока учитель не заметил в моём лице того, чего ему видеть не полагалось.

Что скажет мастер Тинтрэ, когда любимая ученица не придёт на его урок, как сквозь землю провалившись?..

— Неплохо, да? — покидая аудиторию, воодушевлённая Гвен почти пританцовывала. — Это мы так с костями раньше всех закончим! Может, мастер нам и камни для зачарования сразу выдаст? Ну, в порядке исключения?

— Вряд ли, — уныло ответила я, сворачивая к лестнице.

— Эй, ты чего такая кислая? Дома что-то случилось?

— Просто настроение плохое, — легко соврала я, ведя рукой по стене, чувствуя кончиками пальцев шероховатость фигурной штукатурки. — Из-за сна этого.

— Да ладно тебе! Мало ли чего приснится. Как будто в Самайн никогда не засыпала. — Копытца Гвен бодро цокали по гранитным ступеням. — Помнишь, что Повелитель Кошмаров в том году учудил, когда мы с тобой за фильмом задремали?

— Такое вряд ли забудешь. Когда у тебя червяки лезут из рук и жрут твои пальцы... Но сейчас-то не Самайн.

— Пф, как будто ему кто мешает не в Самайн пошалить! Тем более Лугнасад¹ скоро. — При нашем приближении стеклянные двери на улице гостеприимно раздвинулись, вынудив подругу сощуриться, пряча зрачки от света за длинными ресницами. — Хорошо хоть всю Дикую Охоту из потустороннего мира не вытащил... Так мы сегодня к тебе или ко мне?

Спускаясь по крыльцу к кленовой аллее, я быстро вывернула руку ладонью наружу, скрестив пальцы в оберегающем жесте (с Дикой Охотой лучше не шу-

¹ Кельтский языческий праздник начала жатвы и осени, отмечался 1-го августа.

тить). Запоздало вспомнив, что мы договаривались после практики посмотреть ещё пару серий «Кодекса Форбидена», хотела было ответить, что сегодня мне в принципе не до гостей, но вспомнила, что должна вести себя как обычно.

— Лучше к тебе. — Уж точно не к нам, где ждут бардак в моей комнате, мама, запершаяся в спальне, и Эш с лицом ледянее обычного. — Только я сегодня ненадолго.

— А что так?

— Дела.

Гвен вздохнула, доставая графон. Над короткой трубкой всплыл и замерцал голографический экран — на сей раз небольшой, с ладошку, не чета полноформатному, который мы использовали на уроках.

— Окей, напишу маме, что ты у нас обедаешь...

Перешагивая через кленовые тени, мне хотелось сказать ей искреннее «спасибо» за отсутствие распросов. Впрочем, сейчас подруга уже привыкла, что время от времени мне, глубокому интроверту, нужно побыть одной. Когда мы только познакомились, в ответ на такое заявление она обиженно поджимала губы, думая, что надоела.

По правде говоря, дружескую болтовню с Гвен действительно нужно было дозировать: небольшими порциями, до учёбы и пару часов после. Передозировка грозила хронической усталостью и ушами, увядшими от болтовни.

Мы неторопливо шли по скверу, приближаясь к перекрёстку, за которым начинались жилые кварталы. Гвен сосредоточенно набивала сообщение маме, расчерчивая пальцами голограмму экрана; асфальт пустой дороги купался в прозрачном горячем мареве — три часа, разгар жары. Видимо, все водители предпочли пересидеть это время дома. На светофоре горел зелёный, но он уже начинал тревожно мерцать.

— Перебежим? — убирая графон в карман, предложила нетерпеливая Гвен.

Я сорвалась с места, устремившись к пешеходной «зебре», и мы вприпрыжку выбежали на дорогу в миг, когда зелёный сменился красным.

В миг, когда я поняла, что по ту сторону перехода стоит *оно*.

...следующие мгновения тянулись бесконечно долго.

Вот я смотрю на безликую тьму, зависшую в паре сантиметров над землёй, явившуюся из моего кошмара.

Вот по спине волной прокатывается беспомощный ужас, сковывающий по рукам и ногам, заставляющий застыть на месте.

Вот кожу обжигает мерзкое ощущение от безглазого взгляда, устремлённого на меня. Гвен медленно, странно медленно бежит через дорогу навстречу монстру, оставляя меня за спиной; я хочу крикнуть ей «стой», позвать на помощь, сделать хоть что-то, но язык мой отнялся, как и моё тело.

Следом я слышу истошный визг тормозов.

Я поворачиваю голову, с каким-то отстранённым интересом наблюдая за мобилем, наезжающим на меня. Вижу перекошенное лицо водителя, отчаянно отдавливающего педаль тормоза. Понимаю, что капоту до моего тела осталось не больше фута¹ — и что я сейчас умру.

...а потом чувствую, как что-то тисками обхватывает мой живот, болезненным рывком оттаскивает назад...

...и время потекло с прежней скоростью.

Жадно вдохнув (последние секунды мои лёгкие благополучно забывали о такой мелочи, как потребность в воздухе), я проводила взглядом одинокий мобиль, проехавший ещё яров десяток, прежде чем затормозить. Посмотрела на другую сторону дороги, где застыла

¹ Мера длины, равная 30,48 см.

Гвен: мертвенно-бледная, прижавшая ладони ко рту, не сводящая с меня полного ужаса взгляда, как и парочка случайных прохожих... и никого кроме.

Надо же. Я жива. А где чёрный кошмар?..

Поняв, что монстр бесследно исчез, я опустила взгляд. Заметила чужие руки на моей талии за секунду до того, как те разжались и скользнули мне за спину.

Обернулась.

Первым, что я увидела, были его глаза: тёплый блеск аметиста, весенняя сирень и фиалковый свет заката. Потом к картинке добавилось юное белокожее лицо и серебро длинных волос: спереди непослушные прямые пряди падают на скулы, доставая до губ, сзади опущены ниже плеч — насколько ниже, с этого ракурса разглядеть было трудно. Ещё немного погодя — штаны и рубашка причудливого покроя, рукавами достающая почти до ступней босых ног: в дневном свете белая ткань его одежда, на которой кровавой вязью расцвели алые узоры, отливала лунным серебром.

Сид.

Осознав, что без него я уже была бы кучей мяса и переломанных костей, пачкающей кровью дорогу, я кое-как разомкнула губы.

— Спасибо, — голос был хриплым, мысли путались, слова отказывались идти на язык. Откуда-то доносились встревоженный гул чужих пересуд и гневная отповедь, которой невезучий водитель решил наградить безумных девчонок, прыгающих под колёса, но я почти не понимала смысла того, что слышу. — Вы... Я...

Сид отступил на шаг. Лицо его ничего не выражало.

— Будь осторожна, — проговорил он и исчез: словно кто-то в один миг сменил картинку кленовой аллеи, где он был, на точно такую же, только без него.

Я ошеломлённо смотрела на звёздные тени на плитке и прохожих — прежде чем продолжить путь, те не

забывали наградить меня неодобрительными взглядами и качать головами не хуже катайских болванчиков, — когда Гвен, рыдая, сзади кинулась мне на шею.

— Лайза! Боги, я так испугалась! Я уж думала, тебя...

— Ты видела его?

— Кого?

— Сида! Который спас меня!

— Конечно, видела! Только что тут стоял! — Подруга недоумённо огляделась. — Ой, а куда он делся?..

Я прижала пальцы к вискам.

Значит, прекрасный спаситель мне не померещился. Уже хорошо.

— А этого... чёрного... из сна... видела?

По взгляду, которым Гвен уставилась на меня, я поняла — не видела.

На всякий случай я осмотрелась кругом. Злополучного мобиля уже не было видно: водитель решил не разбираться с сумасшедшей девицей, застывшей столбом посреди дороги. Моего спасителя — тоже. Только посторонние люди и фейри, иные из которых с любопытством оглядывались на нас.

— Ладно, забудь. — Я развернулась обратно к светофору, где красный свет мерцал в преддверии зелёного. — Идём.

— Лайз, ты в порядке?

— В полном. Просто из-за жары голова закружилась.

Но когда мы вновь зашагали по «зебре» — неторопливо, предварительно удостоверившись, что на горизонте действительно нет ни одного мобиля, — я пыталась вспомнить, которая эта странность по счёту из всех странностей, приключившихся со мной за последние сутки. И понимала, что с этими странностями нужно что-то делать.

Следующую, судя по всему, я могу не пережить.

— Привет, тыковка! — заворковала тётя Лэйн, стояло нам перешагнуть порог дома Хайлинов. — Привет, Лайза! — нам обеим достался сердечный поцелуй в щёку, но Гвен к тому же привычно поворчала на испорченную причёску, когда мать ласково взъерошила её белобрысую макушку. — Скорее обедать, пока не остыло!

Я прошла по коридору не разуваясь: в доме глейстигов, которым обувь не требовалась, это было ни к чему. Тростниковые коврики поверх мшистого ковролина смягчали звук шагов и стук копыт; бумажные обои в бежево-зелёных тонах и деревянная мебель в стиле кантри заставляли ещё острее ощущать, что мы далеко от больших городов. Повсюду виднелись цветы в горшках (глейстиги и в помещении предпочитали быть ближе к природе) и шкафы с настоящими книгами — не то что в нашей бывшей квартире, где даже обои были голографическими.

Честно говоря, сейчас я с трудом понимала, чем жизнь в мегаполисе мне так нравилась.

— Как день прошёл? — когда мы уселись за большой круглый стол, спросила тётя Лэйн, раскладывая овощной салат по деревянным тарелкам.

Мы с Гвен переглянулись.

— Нормально, — пожала плечами подруга после недолгой паузы.

— Как-то это «нормально» прозвучало не совсем нормально, — усомнилась тётя Лэйн, вытаскивая из духовки блюдо с зелёной фасолью в сливках, запечённой под сыром. В отличие от дочери она носила короткие шорты, так что оленьи ножки представляли во всей красе — стройные, изящные, покрытые бархатистой

светлой шёрсткой. Такие же, как у Гвен. Они с матерью вообще походили друг на дружку, как два древесных листа: когда я впервые увидела снимок тётки Лэйн в молодости, то подумала, что фотографировали мою неуёмную подругу.

Я тоже росла маминой копией. Даже причёску носила такую же, как она. И, в отличие от Эша, не унаследовала ни единой отцовской черты.

К счастью.

— Просто урок был сложный, — солгала Гвен с той же лёгкостью, с какой я солгала ей днём.

— Не учителя у вас, а изверги! Даже летом детям отдохнуть не дают... Фасоли хватит, Лайз?

Я тоскливо возрилась на щедро наваленную порцию:

— Я бы сказала, перебор.

— Кушай-кушай! А то худенькая, что тростиночка! Да и Гвен туда же...

Мне хотелось возразить, что на одних овощах сильно не разъешься (глейстиги — убеждённые вегетарианцы), но я промолчала. К тому же зазвонил графон, лежавший на кухонном подоконнике, и тётка Лэйн процокала к окну:

— Папа звонит. Вы ешьте, я вернусь и пирог к чаю поставлю...

— Доедай быстрее, — бросила Гвен, когда хозяйка кухни вышла, предоставив нам опустошать тарелки в тишине и покое. — И пойдём ко мне в комнату. Поговорить надо.

А я-то думала, чего это подруга по дороге вела себя подозрительно тихо...

Закинув в себя салат и фасоль так быстро, как позволили руки, слегка дрожавшие после моей несостоявшейся смерти под колёсами, я поднялась из-за стола; Гвен сделала то же ещё раньше, чтобы прихва-

тить из шкафа коробку с печеньем, а из холодильника — бутылку сладкой газировки. Коридор, заставленный фикусами вдоль стен и оглашённый отзвуками весёлого щебета тёти Лэйн, доносившегося из-за лакированной двери кабинета, привёл нас в королевство красного, розового и плюшевых зверей. Подобная инфантильность больше подходила Гвен, когда той было тринадцать, но с тех пор в её комнате ничего не поменялось: стены и мебель переливались всеми оттенками алого рассвета, игрушечные мишки и зайцы смотрели на меня с подоконника, с полок секретера и даже со шкафа. Один медведь — огромный, больше моего роста — восседал на полу, рядом с кроватью под сетчатым бадахином; к нему и направилась Гвен, чтобы усесться прямо на ковёр, воспользовавшись медведем как креслом. Я невольно засмотрелась на её юбку, раскинувшуюся по вересковой шерсти шёлковым кругом, отливающим красками летнего леса, но требовательное «*А теперь рассказывай!*» вывело меня из задумчивости.

— Что рассказывать? — уточнила я.

— Да про того сида, который тебя спас! — Гвен кинула перед собой печенье и бутылку: та катилась по полу пару футов, пока не уткнулась в ножку стула, и ответила на нелестное обращение пеной, забелевшей внутри. — Это твой отец, так?

Оторопев, я упала в кресло рядом с секретером — и расхохоталась.

— Что? — протянула Гвен обиженно. — А с чего ещё какому-то сиду выдёргивать тебя из-под колёс, взявшись из ниоткуда, и тут же снова исчезать?

— Мой отец — тилвит, — отсмеявшись, вымолвила я, сдержав на губах ответный вопрос, как подобная чушь вообще взбрела подруге в голову. — Могла бы вспомнить, какого цвета волосы у Эша. А у этого ше-

велюра была серебряная, если ты не заметила. Стало быть, он дин ши.

— Тогда, может, он знакомый твоего отца?

— Да при чём тут вообще мой отец?

— Ну как же — он рассказал о тебе кому-то, а его знакомый переместился сюда, в Харлер, нашёл тебя и теперь присматривает за тобой!

Удушливая волна раздражения подкатила к горлу, пока горькая улыбка сковывала спазмом мои щёки:

— Хорошая сказочка. Только вот верится в неё слабо. Не думаю, что отец вообще обо мне помнит. Кто я для него? Одна из детей одной из смертных дурочек, которых он обольстил. Он сам меня бросил, так с чего теперь будет вспоминать да заботиться?

Гвен пожевала губами воздух, явно расстроенная провалом блестящей теории, что она успела состряпать за десять минут, отделявшие злосчастный перекрёсток от её дома.

— А как они познакомились? Твои родители?

Мои руки раздражённо впились ногтями в колени: спасибо дизайнеру, решившему продрать джинсы ровно там, где в детстве я, падая, рвала штаны почти постоянно.

— Мама гуляла в лесу рядом с городом, где она выросла. Встретила... *его*... — Последнее слово поневоле выплунулось как ругательство. — Мама вроде пыталась его отшить, да не получилось. Они же знают, как очаровывать...

Я удержалась от того, чтобы добавить «скоты». Подумала, что в присутствии Гвен это может быть бестактно.

У Харлера, родины людей и «низших» фейри (тех, кому в своё время не позволили удалиться из человеческого мира в Дивную Страну), с Эмайн Аблахом, обителью «высших» фейри (они же Племена Богини

Дану¹, они же Туата де Данаан, они же туаты, а для нас — сиды), издавна были сложные отношения. Вернее сказать — никакие. Причина проста: пусть Харлер и Эмайн разделяет лишь семимильная полоска морской воды — это даже не разные страны, а разные миры. На Эмайне и время течёт иначе, а какие могут быть деловые отношения с государством, живущим в другом временном измерении? Некоторые счастливицы, сплававшие на Эмайн и вернувшиеся оттуда сутки спустя, утверждали, что пробыли у сидов несколько месяцев. Другие уплывали из Харлера, оставляя своих детей младенцами, лежащими в колыбели, гостили на Эмайне всего-то денёк — а когда возвращались, могли познакомиться с собственными правнуками.

Вычислить правила или законы временных соотношений двух миров оказалось невозможно. Ни правил, ни законов просто не было.

Все эти поучительные истории нам рассказывали в школе, сводя их к одному: смертным в Дивной Стране не место. Не только потому, что гостеприимство сидов было весьма специфичным. Это для фейри Эмайн был благословенным краем, где не ведали ни смерти, ни болезней, ни бедности, ни горестей; людям погибнуть там или стать рабами сидов, живыми игрушками, от которых избавятся, как только они наскучат, было проще простого. Зато маленьким обитателям Эмайна, видимо, рассказывали совсем другие сказки: вырастая, они то и дело наведывались в Харлер — забавы ради, — а когда возвращались, утаскивали с собой приглянувшихся человеческих девушек. Не спрашивая, хотят они того или нет.

Впрочем, похищения случались немногим чаще любовного сожительства. В Харлере обитала куча лю-

¹ В ирландской мифологии — богиня-мать, одна из самых значительных фигур кельтского пантеона.

дей, в жилах которых текла кровь сидов. Ни тилвиты, ни дин ши не находили ничего зазорного в том, чтобы прожить пару-тройку лет с понравившейся девицей, даже детишек от неё завести... а потом взять и исчезнуть. Вернуться на родину, не зря прозванную Дивной Страной. И детей забрать с собой, если успели полюбить, а если нет — бросить вместе с матерью.

Как бросили нас.

— Нет, твой случай куда романтичнее, — подумав, резюмировала Гвен. — Он спас её от смерти, ах... выдернул прямо из-под колёс...

— Какая ещё романтика? — Я резко откинула за плечи длинные волосы, лезущие в лицо; ощущение раздражало не меньше разговора, с каждой минутой становившегося всё более дурацким. — Мне повезло, что этот сид оказался рядом, но наверняка больше я его в жизни не увижу.

— И тебя это совсем не огорчает?

— Нет! И мне не хочется вспоминать, как я чуть не погибла в цвете лет из-за собственной глупости и нашей общей нелюбви к правилам дорожного движения! И если ты собираешься весь день обсасывать то, что произошло на этом треклятом перекрёстке, хотя мы собирались смотреть «Кодекс», так и скажи, чтобы я знала, что могу пойти домой и заниматься этим в гордом одиночестве!

Гвен хмыкнула, но всё же достала из кармана графон.

Впрочем, менее хитрым её прищур не стал.

— Мы на какой серии остановились? — мирно уточнила подруга, подвинув коробку с печеньем, чтобы положить на его место серебристую трубку.

...я ненавидела отца. Пусть и не помнила его. Он прожил с мамой больше пяти лет и, по её словам, был не только прекрасным возлюбленным, но и нежным родителем. И это не помешало ему в конце концов затоско-

вать по дому и бросить как меня, так и женщину, беременную вторым его ребёнком; поэтому мне не хотелось думать, что сид, который меня спас, может иметь с ним что-то общее. В принципе не хотелось думать о сйдах. Под самым красивым лицом и самыми красивыми поступками любого из них скрыто одно и то же: жестокость, гордыня и эгоизм, ведь обмануть или предать смертного для них — не обман и не предательство, а уморительная шалость. Всё равно что с котёнком поиграть: раздражить того конфетным фантиком на нитке, позволить схватить его, а потом дёрнуть рукой — и хохотать, глядя на злую мордочку, с которой тот смотрит, как трофеем ускользает из-под носа...

— Шестая, кажется.

Убедившись, что мы наконец перевели тему, я сползла с кресла. Магией подтянув к себе потеющую, восхитительно холодную бутылку с газировкой, устроилась на полу рядом с Гвен, облокотившись на медвежью лапу и использовав в качестве сиденья одну из валявшихся рядом подушек. Подруга уже развернула полноформатный голографический экран, прибавила яркость на полную, чтобы сквозь картинку не просвечивала мебель, и ткнула кончиком пальца в иконку браузера. Первым открылся новостной сайт, и заголовок, на который упал мой взгляд, гласил: «*Ликорис снова уйдёт безнаказанным?*» Мелкие буквы ниже услужливо поясняли, что в Динэ недавно обнаружили изуродованный труп молодой девушки, пропавшей два месяца назад, но осмотр тела не дал страже никаких новых зацепок по делу серийного убийцы, прозванного Ликорисом, и теперь...

...вот почему я предпочитаю не читать новости. Ничего хорошего в них всё равно не пишут.

— Дался тебе этот сериал, — всё-таки буркнула Гвен, сменив тошнотворный сайт на вкладку с подписью известного стримингового сервиса. — У тебя тут

в реале такое произошло, что любой сериал отдыхает, а ты... Я понимаю, конечно, уважение к памяти предка, бла-бла-бла, но...

Я промолчала. Повернула крышку на стеклянной бутылке — осторожно, чтобы взболтанная газировка не брызнула мне в лицо. Глотнув сладкую гадость со вкусом манго, протянула бутылку Гвен: мы давно уже не стеснялись пить из горла друг за дружкой.

Да, со вчерашнего дня в моей жизни творится такое, что любой сериал и правда отдыхает. Именно поэтому я хотела хотя бы на пару часов забыть об этом.

Дядя Ахайр вошёл в комнату на самом интересном месте — и палец Гвен моментально метнулся к экрану, заглушая сладострастные стоны, лившиеся из динамиков.

— Привет, пап, — невинно произнесла подруга, свернув браузер.

Отец Гвен возмущённо переступил с ноги на ногу, топнув копытами по порогу:

— Что вы смотрите?!

— «Кодекс Форбидена». Я вам с мамой уже рассказывала, помнишь? Та штука, которую снимали по запискам Лайзиного прадедушки.

— Там вообще всё прилично, — быстро добавила я, — просто главный герой... мой прадедушка... тут как раз арка про то, как они познакомились с моей прабабушкой, и в прошлой серии его возлюбленная едва не погибла от лап оборотня, а потом им долго было не до отношений, но теперь... В общем, вы вошли в тот момент, когда они наконец объяснились, и...

— Привет, Лайза, — вздохнул дядя Ахайр. — Прилично, говоришь? Тогда почему, как я ни войду, у вас на экране то убивают, то насилуют кого-то?

— И вовсе даже не насилуют, а красиво занимаются любовью. В данный момент, — уточнила Гвен. — Про-

сто сериал такой: показывает Викторианскую эпоху и деяния тёмных сил без прикрас. И вообще, на обнажёнку на экране сейчас мода! Это ты ещё не видел, как «Ведьмака» экранизировали — с оргией!

— Вот активирую на твоём графоне родительский контроль, и будут вам Ведьмаки, оргии, Инквизиторы и Лайзины прадедушки, — проворчал дядя Ахайр, отворачиваясь. — Мама зовёт вас чай пить, так что заканчивайте со своим развратом и бегом на кухню.

— Родители, — закатила глаза Гвен, когда глава семейства Хайлин удалился, закрыв за собой дверь. Закинула в рот очередное печенье — за две с половиной серии коробка почти опустела, и в основном её стараниями. — Никогда не замечала такого спецэффекта: если на весь фильм или на весь сериал, который ты смотришь, будет ровно одна постельная сцена, твой строгий папа войдёт в комнату именно в этот момент?

— Не замечала. У меня, если ты успела забыть, нет папы.

В неловкой тишине, расплзшейся над нашими головами, графоном и плюшевым медведем, я почувствовала, как в груди снова заворочался склизкий ком тревоги и страха, подзабытый за бедами и драмами людей, живших задолго до моего рождения.

Наверное, меня должно было утешать, что им — моим предкам — приходилось куда хуже. Внезапный отъезд из дому и брошенная практика не сравнятся с тем, что пришлось пережить моей прабабке, и тем более с кровавыми ужасами, которых за свою карьеру наш знаменитый прадед повидал немало. Да только чужие несчастья не отменяют и не обесценивают твои собственные. Даже если ты понимаешь, что на твою долю выпали несчастья куда менее горькие. Когда тебе без анестезии удаляют зуб, лекарь может бесконечно твердить «*Радуйся, что не ногу*», но это не умерит боли.

И я не знала, насколько страшной в конечном счёте окажется та беда, с которой столкнулись мы.

— ...и вообще мне домой пора, — невпопад закончила я, поднимаясь с ковра.

— Что, даже серию не досмотрим?

— Я всё равно это уже смотрела. И задержалась дольше, чем хотела.

Гвен, приуныв, повернула графон к себе; принялась закрывать в браузере ненужные вкладки — и замерла.

— Боги, как же я сразу не вспомнила! — Двумя пальцами взявшись за край экрана, подруга развернула голографический прямоугольник в мою сторону. — Та тварь, которая снилась мне и тебе! Это же Кромешник!

Я пригляделась — и дёрнулась, задев мыском кеда пустую бутылку из-под газировки, заставив её упасть.

Статья была озаглавлена: *«Дюнэтэни — воплощение кромешной тьмы»*. Сразу под заголовком располагалась картинка худощавого мужчины в деловом костюме: чёрный пиджак, белая рубашка, галстук-бабочка... и абсолютно гладкое, без единой черты лицо.

— У меня вкладка про него, наверное, уже месяц висит! Кузина ссылку кинула! Его называют Кромешником, говорят, он — порождение Дикой Охоты, охотится на детей и подростков, и за последние годы его видели по всему Харлеру!

— Он что, фомор какой-то?..

— Никто не знает! Только говорят, что вместо рук у него щупальца, живёт он в лесу и забирает детей, которые ушли гулять без спроса!

Поднимая многострадальную бутылку, я качнула головой, успев взять себя в руки.

В первый миг рисунок и правда меня напугал... да только, присмотревшись, я нашла в нём не слишком много сходства с героем моего кошмара. У существа

с картинки голова была лысая, пепельно-серая, с язвами и чуть ли не следами гниения на том месте, где у нормальных людей располагалось лицо. И костюм выглядел вполне обыденно: такие продают в любом магазине черной одежды.

— Не похож. — Стекло доннышко звякнуло о дерево, когда я поставила бутылку на стол. — Тот, что мне снился... он весь был из мрака. Ни рубашки, ни пиджака, ни бабочки. И голова была чёрной. Да и щупалец я не заметила.

— Я тоже, — нехотя согласилась Гвен. — Но это же мелочи! Вдруг он умеет облик менять?

— Гвен, ты хоть видела, что это за форум? «Сказки не на ночь». Я пару раз почитывала там байки о клоунах-убийцах, восставших из могилы и отравивших рога. Если б этот Кромешник-Дюнэтэни правда объявился в Харлере и похищал детей, о таком трубили бы во всех новостях, и на уроках духоведения не преминули бы рассказать, что в учебники пора вносить изменения. Я скорее поверю, что Повелитель Кошмаров сверхурочно выехал в наш бранный мир, чем в какого-то сетевого монстра.

— И то верно. — Свернув экран графона, разочарованная Гвен кинула его на кровать. — Ладно, идём. Я тебя провожу.

Из комнаты выходили в молчании, перед уходом всё же заглянув на кухню. Сбегать, не попрощавшись с родителями Гвен, было бы совсем уж невежливо. Мне стоило немалых усилий убедить тётю Лэйн, что маме срочно нужна моя помощь в одном деле, так что одну чашку её восхитительного мятного чая с персиковым пирогом я всё-таки выпью, но потом — сразу домой; дядя Ахайр пробовал поддержать любимую супругу и задержать меня на ужин, но не слишком рьяно: первый день рабочей недели явно выдался для отца Гвен

не самым простым, и даже любимый пирог он жевал с усталым видом.

— Спасибо за угощение, — расправившись с десертом, сказала я на прощание, тоскливо думая, что в следующий раз приду в этот дом и посижу на этой кухне не скоро. — За ваши кулинарные способности, тётя Лэйн, многие шеф-повара душу бы фоморам продали.

— Льстите вы мне безбожно, мисс Форбиден, но я не против, — улыбнулась мама Гвен. — Ждём тебя завтра. Ахайр заказал мне клубничный торт, думаю, ты от него тоже не откажешься.

Я только кивнула, прежде чем отвернуться: слишком совестно было глядеть в их длинные добродушные лица.

— Завтра же как обычно? — открывая передо мной входную дверь, спросила Гвен.

— Да. В поддень у моего дома.

Каждая новая ложь давалась всё тяжелее.

— Тогда до завтра.

Меня сердечно обняли за плечи — вынудив соглотнуть ком в горле, прежде чем обнять подругу в ответ. Тут же, разорвав объятие, шагнуть вперёд, на крыльцо: так торопливо, точно меня могли удержать.

Шагая по дорожке мимо кустов садового жасмина — прочь от домика с камышовой кровлей, словно сошедшего со страниц старинных легенд, прочь от тепла и уюта, на пару часов заставивших забыть и о неведомой опасности, и о безликой тьме, и о том, что ждёт меня завтра, — я ни разу не обернулась. Ни до того, как услышала стук захлопнутой двери, ни после. Как никогда остро понимая, насколько дорога мне и наша дружба с Гвен, и эти сериальные вечера, и трапезы с её родителями, такими гостеприимными к замкнутой человеческой девчонке.

Надеюсь, когда всё это безумие закончится и я вернусь в Мойлейц, я смогу объяснить Гвен своё исчезно-

вение. Надеюсь, она не обидится на меня настолько, чтобы больше мы никогда не собрались за обеденным столом в её доме.

...если я вернусь...

Я вдохнула жаркий золотистый воздух, подкрашенный солнцем, клонившимся к верхушкам невысоких яблонь в садах, — и, оглядевшись по сторонам, перебежала дорогу, спеша к дому.

Когда я толкнула калитку, Эш сидел на веранде, уткнувшись в свой графон. Наверное, читал что-то: типичное агрегатное состояние моего брата.

— Ты собрался? — спросила я, взбегая по деревянным ступенькам. — Как мама?

— Утрамбовал чемодан ещё ночью. — Эш не отрывал взгляда от экрана. Выразительности в его голосе было так мало, что в иных мраморных глыбах отыщется больше, особенно в тех, что побывали в руках умелого скульптора. — Мама весь день притворяется спящей. Даже не ела.

— Эш, если мама не выходит из комнаты, это ещё не значит, что она притворяется. Она плохо себя чувствует и вполне может на самом деле целый день...

— Я время от времени проверяю её странички в соцсетях. Она была онлайн — даже не раз. И точно спит не целый день.

Я растерянно уставилась на корявые яблони за спиной брата: старые деревья росли на участке, уже когда мы его купили.

— Но зачем...

— Хотел бы я знать. Осмелюсь предположить, что она по каким-то причинам не желает со мной разговаривать.

Я нахмурилась. Взялась за ручку входной двери — но, вспомнив кое-что, обернулась.

— Эш, тебе сегодня ночью кошмары не снились?

Брат резко вскинул голову:

— Чёрный человек без лица?

Мы смотрели друг на друга — и склизкий ком, жабой поселившийся в груди, вновь дал о себе знать.

— Он и Гвен снился. — Я сжала дверную ручку до боли в ногтях. Даже если это действительно проделки Повелителя Дикой Охоты, после случая на дороге считать происходящее простым совпадением я уже не могла. — Что за фоморщина?..

— Не знаю. — Эш вновь опустил взгляд на экран. — Но предполагать, что она не связана с нашим неожиданным бегством, глупо.

Какое-то время я смотрела, как он читает — или пытается читать, чтобы не ввязываться в разговор, который всё равно не мог дать никому из нас ни успокоения, ни желанных ответов. Потом, рывком провернув ручку, вошла в дом.

На то, чтобы скинуть кеды и дойти до маминой комнаты, ушло не больше минуты.

— Я знаю, что ты не спишь, — толкнув дверь, с порога требовательно произнесла я.

Солнечный луч, пробравшийся в комнату сквозь щель между закрытыми шторами, рассекал полумрак узкой золотой полосой. Мама лежала в кровати, отвернувшись к стене. Рамки с нашими детскими фото поблёскивали на комодe, чистый письменный стол ждал, когда за ним начнут работать; в стеллаже покоились на полках контейнеры с костями, картами и поделочными камнями, готовые к моменту, когда их хозяйка начнёт разгребать маленькую очередь из скопившихся заказов.

Если в моей спальне царил бардак — отражение того, чем стремительно оборачивалась моя жизнь, — здесь всё оставалось в идеальном, заведённом, привычном порядке, зрелище которого сейчас казалось невыносимым.

— Я понятия не имею, что происходит, — приблизившись к кровати, продолжила я, — но ты должна..

Мама повернулась так, словно ждала этого момента весь день.

Когда я увидела её красные, опухшие, безнадёжно заплаканные глаза, все невысказанные слова замерли у меня в горле.

— Ты вернулась. — Мама села. Вцепившись в мои руки, вынудила сесть на край кровати; обняла крепко, будто цеплялась за собственную жизнь. — Лайза, я так боялась... так боялась, что ты...

Судорожный вздох, прервавший фразу на середине, не мог быть не чем иным, кроме как всхлипом.

...мне вдруг вспомнилось, как полгода назад у меня воспалилось ухо. Оно разболелось посреди ночи, когда звонить врачам было уже поздно, а без опасности для жизни ни один не согласился бы принять экстренный вызов. В ухе стреляло так, что я не могла заснуть. Обезболивающее не спешило помогать. Обычно я стоически переношу недомогания, но тут, в конце концов, расплакалась; тогда мама обняла меня — так же, как сейчас — и легонько укачивала, пока я плакала у неё на плече, словно мне снова семь и я реву, рассадив коленку.

Мама всегда защищала меня. Поддерживала. Утешала, когда я плакала. Это я была слабой, а она — тем, кто может оберегать.

Теперь мы поменялись местами, и это выбивало последние опоры из-под моих ног.

— Мам, что... что происходит? Скажи мне, я.. просто... чёрный человек...

— Ты видела его? — Она резко отстранилась; на щеках блестят мокрые дорожки, но между припухших век — ни следа слёз. Будто и не было их. — Человека без лица?

...нет, всё-таки сильная здесь совсем не я.

— Сегодня ночью. Во сне. А потом наяву... кажется. И Эш тоже, и Гвен...

— Гвен? — Серые глаза напротив моих расширились, явив полопавшиеся сосуды во всей красе. — Она-то тут при чём?

— А при чём тут *мы*? — я почти кричала. — Мам, этот монстр... я чуть под мобиль из-за него не попала! Он охотится за нами? Что он такое?

— Мобиль, значит. — Я ожидала в ответ чего угодно, но только не странного, пугающего удовлетворения, проявившегося в её лице. — Понятно. А спас тебя сид?

Ошеломление сбilo даже тот рваный пьяный ритм, которым обернулись моё сердцебиение и дыхание после всего, прозвучавшего прежде.

— Откуда ты...

— Я хотела бы сказать тебе, Лайз. — Мама вытерла щёки тыльной стороной ладони. — Всё рассказать, с начала и до конца. И рассказала бы, если б только могла... но это знание опасно. Оно убивает того, кто его носит. — Меня взяли за плечи, глядя мне в глаза так пристально и мягко, словно надеялись этим взглядом вложить мне в голову то, что невозможно было передать словами. — Вы не должны знать того, что знаю я. Не должны знать ничего об этой твари. Иначе с вами случится то же, что сейчас происходит со мной. Понимаешь?

— Так твоё недомогание... из-за этого?

Когда мама кивнула, я накрыла её руки своими. Зажмурилась — всё ещё недоверчиво.

...любая магия основана на преобразовании энергии. Но чтобы что-то преобразовать, вначале нужно это увидеть — и понять. И то, что я пыталась сделать сейчас, очень походило на работу с картами или с костью: нужно просто забыть о том, что находится в твоей руке или сидит рядом с тобой на кровати, увидеть не камень

и не человеческое тело, а ступок энергии, плещущейся в нём. На уроках работы с энергией живых организмов я редко получала что-либо выше восьмёрки, ибо просканировать такую сложную вещь, как живой источник силы (пускай пока мы упражнялись только с мышцами), у меня каждый раз выходило с трудом; но сейчас я *обязана* была убедиться.

Наверное, с минуту я лишь хмурилась да досадливо стискивала зубы. Затем руку согрело живое тепло чужой энергии, и перед закрытыми веками вспыхнула долгожданная картинка: золотистые очертания маминого тела.

Любая болезнь видится острым, лихорадочным сиянием — особенно в области того органа, что поражён ею сильнее всего. Любое проклятие похоже на паутину, облепившую человека снаружи: плотная сеть враждебной смертоносной энергии. Но мама... она просто угасала. Блеклое, тускнеющее золото того, кто на ровном месте потерял большую часть своих жизненных сил; уже потерял — и продолжает терять. И не было болезни, которую можно вылечить, или проклятия, которое можно ликвидировать или просто вытянуть прочь.

Что же...

— Вы должны уехать на рассвете. В Фарге вы будете в безопасности, обещаю. — Мамин голос был тихим и деликатным до непривычности. — Собери свой чемодан, Лайз, и мы поужинаем. Все вместе. Поговорим о чём угодно, кроме вашего отъезда, — в долгих проводах лишь больше слёз. Хорошо?

Картинка, сияющая золотом в черноте, пропала одновременно с тем, как мои руки безвольно опустились. Не плакать, только не плакать... Ты должна быть сильной, Лайза. Такой же сильной, как она.

Мама должна знать, что ты тоже можешь быть тем, кто оберегает: и Эша, и саму себя.

— Хорошо.

Отстраняясь, я не стала спрашивать, действительно ли мне почудилось невысказанное «в последний раз». Слишком боялась услышать ответ. И, покинув комнату, лишь на пару минут прислонилась спиной к прохладному дубу закрытой двери, кусая костяшку большого пальца, будто это могло умерить жжение в глазах и предательскую дрожь, которой отзывались на моё отчаяние судорожно сжатые губы.

Как ни странно, действительно умерило.

...тогда, конечно, я ещё не в полной мере поняла то, что отчётливо осознала много позже. Вернее, в тот момент я категорически отказалась это признавать, цепляясь за такую глупую, такую детскую надежду на то, что всё каким-то волшебным образом будет хорошо. Но в действительности именно в ту минуту я впервые осознала: никакого маминого звонка на графон, который на поддороге в Фарге велит нам разворачиваться и ехать домой, не будет.

Как и каких-либо её звонков — когда-либо впредь.

К моменту, как я закрыла крышку чемодана и застегнула её на кодовый замок, за окном густели летние сумерки. Да, порядком я провозилась... Сами вещи собрались быстро. Куда больше времени потребовалось, чтобы приступить к сборам, предварительно загнав дурные мысли, упорно лезшие в голову, в самый пыльный чулан собственного сознания.

Когда я вышла в коридор, под белёным потолком и деревянными арками носился запах чего-то вкусного, пряного, с оттенком розмарина, поманившего меня на кухню.

Мама всегда готовила так, что мне казалось, будто она танцует. Вот и сейчас: шаг до шкафчика со специями, привстать на цыпочки, опуститься, вернуться назад. Изящно приподнять руки, крутя мельничку с приправами. Поклон — вернуть противень с мясом в духовку. Выпрямиться. И всё под тихую, едва различимую песню, которую она мурлыкала себе под нос.

Песня, которой в детстве, где не было ни загадочных угроз, ни чёрных тварей, меня усыпляли не раз.

— *Нет, не зови, не зови за собой...*

Странно. Кровь сидов текла во мне, но изысканность каждого, самого обыденного движения, присущая обитателям Эмайна, скорее досталась маме. Впрочем, не удивительно: в роду Форбиден когда-то уже затесались сиды, и наш легендарный прадед, жизнь которого теперь служила основой для сериалов, щеголял серебряистой шевелюрой дин ши.

Понимаю, почему отец увлёкся подобной красотой.

— Закончила? — Заметив меня, мама осеклась; она причесалась и оделась, сменив ночную рубашку на вельветовые штаны и лёгкую кофту, и сейчас выглядела лишь немного бледной. Это ободряло. — Отнеси чемодан в мобиль, — распорядилась она, помешивая что-то, кипевшее в кастрюльке на плите. — Эш со своим уже разобрался. Заодно укроп нарви для картошки... если не трудно.

Я послушно побрела обратно в комнату. Подхватила чемодан за выдвижную ручку, и колёсики бодро застучали по полу, пересчитывая стыки между досками винтажного паркета; сняв ключи от мобиля с крючка рядом со входом, покатила собранные вещи в гараж. Щелчок выключателя — и свет заблестел на металлических стеллажах, заставленных коробками со всякой всячиной, и глянцево-капоте нашего скромного семейного хетчбэка «Peugeot», которого мы ласково прозвали

«Французиком»: кузов весёленького джинсового цвета, пять мест, просторный багажник и солнечная батарея во всю крышу. Провод зарядника торчал в гнезде над передним колесом, мигавшим зелёным световым индикатором. Наверняка Эш позаботился... Умница. Хоть мы и поедем при свете дня, когда достаточно солнечной батареи, о зарядке лучше подумать заранее.

Прикосновением к дверной ручке я отключила сигнализацию, нежно тренькнувшую в ответ. Подвезла чемодан к багажнику, уложила его рядом с Эшевым; хлопнув крышкой, отряхнула руки и переключила рычажок подле ворот. Жестяная створка медленно поползла вверх: в дом возвращаться было лень, и я решила выйти в сад через гараж.

Ещё до того, как ворота открылись полностью, я пригнулась и, проскользнув под ними, оказалась на улице.

Сиреневые сумерки ласкали кожу бархатом тёплого ветра. Небо казалось вышитым россыпью белого бисера, до того ярко мерцали звёзды на глубокой густой синеве. Пахло остывающим асфальтом и душистым табаком; я вдохнула, успокаиваясь, впитывая ароматы летнего вечера — самого обычного... хотя нет, чуточку красивее и прозрачнее обычного. По тропинке, освещённой низкими фонариками на солнечных батарейках, зарядившихся за день, направилась к грядкам с зеленью.

Приблизившись к раскидистой яблоне с недозрелыми плодами, я с удивлением различила у калитки в наш сад три подозрительно знакомые фигуры. Огни уличных фонарей странным образом высветлили шевелюры Гвен и её матери, зато тёмные кудри дяди Ахайра казались ещё темнее.

— Гвен? Тётя Лэйн? — озадаченная, сквозь заросли крыжовника я выбралась на дорожку, ведущую от веранды к калитке. — Что вы...

Они не двинулись с места, и это — тогда я ещё не поняла почему — заставило меня осечься. Все трое стояли, не шевелясь, глядя на освещённые окна нашего дома, и меня как будто не замечали.

Поколебавшись, я приблизилась к калитке, шурясь, всматриваясь в их лица.

Сама не знаю, почему страх пришёл безнадёжно поздно.

...сначала я почувствовала. Тот же омерзительный холод на коже, тот же липкий ужас, сковывающий по рукам и ногам.

Потом — увидела.

Глаза. Ни белков, ни радужек: сплошная чернота. Будто меж ресниц у них колебался тёмный туман.

Я знала эту черноту. И попятилась в тот же миг, как Гвен — вернее, то, что управляло ею, — сунула узкую ладонь в щель между досками калитки: та запиралась на щекодку, и, к сожалению, моя подруга прекрасно знала, как открыть её снаружи.

Рывком отвернувшись, я побежала, чтобы преодолеть расстояние до веранды и все пять её ступеней в несколько бешеных прыжков.

— Мама! — заорала я, оказавшись под родной крышей, судорожно запирая изнутри замки на входной двери. Ещё бы руки так предательски не дрожали!.. — Там... там... Гвен...

Аппетитный уютный запах домашней стряпни теперь казался почти насмешкой.

Мама вышла в коридор одновременно с тем, как я повернула последнюю задвижку. Одновременно с тем, как дверь сотряс удар, от которого по толстому дереву пробежала трещина.

Маской спокойной сосредоточенности, застывшей на её лице, моя мать впервые за жизнь напомнила мне Эша.

— Бери брата. Бегите в гараж. — В левой руке она держала боевую колоду карт: похоже, не только ждала нападения, но и успела неплохо к нему подготовиться. — Уезжайте. Я их задержу.

— Мы никуда без тебя не поедем, — отрезал Эш, выбежавший из спальни на мой крик.

— Поедете. — Мама оттащила меня от двери, чтобы одним решительным движением задвинуть себе за спину. — Мне всё равно не жить.

Я не успела вдуматься в смысл этих слов: второй удар по двери вывернул её вместе с косяком.

Гвен шла первой. На бесстрастном лице — ни страшной гримасы, ни искажённых злобой черт; закрыла глаза, в которых плескалась тьма, и я не признала бы, что передо мной — не моя подруга. Её родители наступали следом, медленно, но неотвратимо. Копыта цокали по паркету, отзывавшемуся болезненным скрипом, с жуткой синхронностью, в ровном ритме секундной стрелки.

— *Ридер кхорн*, — выпяюнула мама.

Одна карта, вырвавшись из колоды, прыгнула ей в правую ладонь. Зажав картонный прямоугольник двумя пальцами, мама дротиком метнула его в незваных гостей. Карта полыхнула фиолетовым сиянием, исчезла — и Гвен упёрлась в мерцающую прозрачную стену, возникшую посреди коридора.

— Лайза, я приказываю тебе: бери брата и беги!

Не-Гвен стояла в узком проходе, с двух сторон огороженном деревянными арками, меж стен, где по кремовым обоям вились коричневые розы. Гладкий смуглый лоб упирался в барьер, зыбким маревом висевший в воздухе, пока её родители держались позади жуткой свитой; чёрные глаза всех троих, не мигая, смотрели вперёд.

Когда они исчезли, чтобы возникнуть вновь прямо передо мной — совсем как тварь, от которой я безуспешно убегала в кошмаре, — мама едва успела при-

звать из колоды следующую карту. Сработавшее заклятие окатило пришельцев волной красного сияния, отшвырнув назад. Гвен следом за родителями рухнула на пол как подкошенная — и тут же села на колени, пытаясь подняться. Глядя, как лицо подруги заливают кровь, хлынувшая из носа, я понимала: пускай силы твари каким-то образом помогают глейстигам преодолеть чары, которые должны были уже отправить их в нокаут, это даётся им дорогой ценой.

— Лайза, беги, кому говорю!

— Мы тебя не бросим, — сказала я единственное, что в тот момент сумела сказать.

— *Лайза!*..

— Лайза, беги, — прошелестело за спиной. — Это не твоя битва.

Голос с нотками стали в шёлковой глубине показался знакомым — и вынудил меня оглянуться.

Глаза цвета сирени были последним, что я ожидала увидеть под крышей нашего дома. Тем более сейчас.

— Бегите, леди Форбиден. — Знакомый сид шагнул вперёд, к маме, оставляя меня смотреть на серебряные волосы, сзади ниспадавшие почти до пояса. — Вместе с детьми. Я позабочусь о ваших гостях.

Глейстиги встали, недвижными глазами изучая пришельца с Эмайна: лица всех троих по-прежнему ничего не выражали, но мне показалось, что при появлении сида чёрная тварь пришла в замешательство.

— Лучше детей увези. Сами они не уйдут. — Мама выхватила из колоды ещё одну карту. — Я всё равно труп, ты знаешь это лучше меня.

— Леди Форбиден...

— Лайза. Эш. Забери их!

...в следующий миг сид снова был рядом. Одной рукой обхватил меня за плечи, другой схватил за руку брата — и поволок нас к двери в гараж.

— Стой! — Я брыкалась, но тщетно: хватка фейри была цепкой, как паутина. — Я никуда не поеду, я...

— Делай, как он говорит, Лайза. — Мама провожала нас взглядом: сизый металл, которого я никогда не видела в её глазах прежде, резал по сердцу отрешённым, обречённым покоем того, кто в мыслях давно простился не только с детьми, но и с жизнью. — Доверься ему. Он будет защищать вас теперь, когда я не могу.

Последнее, что я видела, прежде чем нас утащили за дверь, тут же захлопнувшуюся, — как вслед нам кидают карту, искрящуюся зелёным пламенем, и из-под косяка пробивается изумрудное сияние, заставляя стены дома содрогнуться. Нерушимая Печать... Отныне никто не войдёт в дом, запечатанный маминым заклятием, и не выйдет из него.

Лишь металлического гаража, пристроенного к старой кирпичной кладке, это не касалось.

— Тише. — Сид легко разжал мой кулак — я всё ещё сжимала в нём ключ от мобиля. Распахнул настежь пассажирскую дверцу. Вот я молодец, даже закрыть Французика забыла... — Эш, сможешь увезти сестру подалее отсюда?

Тот молча кивнул, безропотно наблюдая, как сид усаживает меня на сиденье. Я тряслась мелкой дрожью, но не сопротивлялась: уже нет. Понимала, что всё равно бесполезно.

Теперь мы маме не поможем. Никак. Сколько бы ни пытались прорваться обратно в дом, туда, где она сражалась с неведомой тварью. Эта Печать не зря звалась Нерушимой.

Если только...

— Ты же сид. Вам многие людские чары нипочём, — скороговоркой произнёс Эш, озвучивая мои мысли. — Тебе под силу вернуться в дом? Спасти маму?

— Этим и собираюсь заняться, как только уверюсь, что вы в безопасности. — Фейри кинул брату ключ, который чуть раньше выцарапал из моих ослабевших пальцев. — Вперёд. И не останавливайтесь.

Эш без слов рванул к водительской двери.

...тихо, Лайза, тихо. Из сида, тем более дин ши, боец выйдет получше твоего. А вы с братом всё равно лишь мешались бы под ногами да играли роль мишеней, что требуется защищать.

Ещё бы самой поверить в доводы, казавшиеся такими убедительными...

Магнитола завелась сама собой одновременно с автомобилем, огласив салон издевательски уместной *Carnival of Rust*. Когда мы выехали из гаража — задним ходом, прямо к деревянным воротам в сад, не тратя времени на то, чтобы открыть их, — мои застывшие глаза потерянно глядели перед собой, пока солист *Poets of the Fall* спрашивал из колонок, молюсь ли я в час нужды. Сид пару секунд ещё наблюдал за нами: лунные одежды обитателя Дивной Страны дико смотрелись среди алюминиевых стеллажей и тонких стен, обшитых сайдингом. Затем снова исчез, растворившись в полутьме.

Снеся ворота, Эш круто вывернул руль, разворачивая мобиль, и Французик повёз нас прочь из города по пустынной дороге.

Я уставилась в зеркальце заднего вида на улицу, залитую призрачным светом фонарей, и дом, остающийся позади. Слова песни казались глухими, словно уши накрыли подушкой, яркая подсветка сенсорной панели рядом с рулём расплывалась в горячем мареве, заволачившем глаза. Странно — слёзы, которых я даже не чувствую, а кроме них — ничего. Ни боли, ни страха. Будто все чувства враз замёрзли, если такое вообще реально.

...*реально*. Да. Вот почему я не испытываю ни боли, ни страха: потому что со вчерашнего вечера мною вла-

дело изнуряющее, навязчивое ощущение нереальности. Сна, от которого не можешь проснуться.

Лишь бы в какой-то момент открыть глаза — и обнаружить, что ничего этого не происходит, не происходило, не произойдёт никогда...

Когда сам дом уже скрылся из виду, я всё-таки оглянулась.

Миг спустя где-то над нашим садом беззвучно взметнулось огромное облако дыма и синего огня.

❖ ❖ Когда-то ❖ ❖

— Смотри не засиживайся!

Обычная квартирка в многоэтажном доме. Певунья, несколькими часами ранее расставшаяся с сидом по имени Коул, идёт по коридору с рыжими стенами, пока в спину ей летит строго-заботливый крик.

— Конечно, мам. — Девушка дёргает ручку двери в свою спальню.

— Знаю я тебя, опять до пяти утра будешь...

Она закрывает дверь с окошком из матового стекла, и та заглушает любые звуки снаружи. Щёлкает выключателем, и лампа высвечивает белые стены, которые мгновенно покрывают завитушки плюща, зеленеющего на салатном фоне, — и не скажешь, что лишь иллюзия настоящих обоев. Голограмма хитро ложится под плакаты, с которых на хозяйку комнаты смотрят Дэвид Боуи, Фредди Меркьюри и группа Scorpions в полном составе; на пластиковом столе в художественном беспорядке разбросаны учебники, карты Таро и зернистые кристаллы необработанных аметистов.

Подняв декоративные подушки, раскиданные по мшистому ковру, девушка кидает их на кровать. Подходит к окну — огромному, во всю стену: отражения небоскрёбов разноцветными звёздами бьются в каплях

дождя на стекле. За ним мерцает огнями города фиолетовая ночь, и далеко внизу поток мобилей сверкающей рекой течёт по умытой ливнем дороге.

— Интересный у вас мир, Вэрани...

Когда она рывком оборачивается, Коул сидит на кровати поверх покрывала, поджав под себя босые ноги.

Сид улыбается — той же улыбкой, от которой делается одновременно тепло и холодно.

— Как ты... — растерянность и возмущение заставляют девушку почти задышаться, — здесь...

— Пришёл следом за вами. Нам нетрудно оставаться невидимыми и неслышными для смертных. — Сид опускает на ковёр ступни, белые и чистые, словно выточенные из фарфора, и выпрямляется натянутой струной. — Прежде чем вы позовёте на помощь родных, молю выслушать меня. Хочу предложить вам сделку.

Хозяйка комнаты отступает к двери — не напуганная, но даже у каменных статуй в лицах зачастую больше эмоций:

— Никаких сделок. Только не с тобой.

— Вы всё же боитесь меня? — печальные слова не вяжутся со смехом, пляшущим в его глазах. — Отчего? Я не сделал вам ничего дурного.

— Весь кредит доверия, что когда-то был у моего народа к вашему, вы исчерпали давным-давно. А теперь — вон, пока я не закричала.

— Я знаю, Вэрани, что вы думаете о Дивном Народе. Я немало прочёл ваших сказок и песен. Но большую часть тех историй о нас, что вам известны, писали люди, и вы никогда не будете знать, сколько правды в том, что они поведали.

— Да ну? — Её голос почти бесстрастен, зато взгляд отвечает сиду насмешкой. — Хочешь сказать, вы не обманывали людей? Не карали мой народ за то, что вам казалось неучтивым? Не крали чужих невест, не заклю-

чали сделки, в результате которых в выигрыше всегда остаётся только вы? Вроде той юной леди, умершей раньше срока, которую вы вернули к жизни, забыв уточнить, что до конца этой жизни она будет коротать ночи в Дивной Стране и украшать собой ваши балы? Или другой леди, что вашими стараниями вернулась с того света, только чтобы кончить свои дни в сумасшедшем доме?

— Сделки всегда заключают две стороны. Люди идут к нам за тем, что не могут получить больше нигде. Мы выполняем то, чего от нас просят, и берём плату, обещанную нам. Вина людей в том, что они доверчивы... и скупы. Они желают несбыточного, но забывают, что плата за чудо будет равноценна этому чуду, и слышат в наших словах то, что в глупости и жадности своей хотят услышать. А после, понимая, *что* в действительности они приобрели и какой ценой, возмущаются, что с них по справедливости взяли за то, чего не купишь ни за какие деньги. — Его речь успокаивает, баюкает и влечёт; так звучали бы лесная прохлада, вересковая сладость и солнечный мёд, если б они только могли звучать. — Мы не просто так берём с вас плату, Вэрани. И мы не боги, хотя вам хочется в это верить. Лишь жизнью можно купить жизнь. Лишь боги могут воскрешать без последствий. Впрочем, в последнем я и то не уверен... Жизнь и смерть переплетены друг с другом так тесно, что едва ли кто-то может заменить нитку в их полотне, не распустив его целиком. Всё в этом мире находится в слишком хрупком равновесии, чтобы чудеса, рушащие его баланс, можно было творить безвозмездно.

— Но вы не предупреждаете, что продаёте бракованный товар, и морочите людям головы. А одна из вас вообще превратила сэра Гавейна в карлика просто за то, что тот не заметил и не поприветствовал её, проезжая мимо.

— Он ехал по её лесу. Вторгнувшись в чужой дом без приглашения, вы ведь не думаете, что можете просто пройти по нему и выйти, избегнув встречи с его хозяйкой? И если хозяйка увидит вас, не будете удивлены, что на вас рассердились?

В воцарившемся молчании её взгляд перебегает с лица сида на его опущенные руки, словно она надеется, что его ладони скрывают ответ, который она не может найти.

— Вэрани, я не спорю, что иные мои сородичи пользуются вашей нуждой и вашей доверчивостью. Иные из нас берут без разрешения то, что им не принадлежит, иные коварны и злы... как и люди. Но судить весь народ по отдельным его представителям — не думаете, что это тупиковый путь? — Он не дожидается, пока она подыщет нужные слова; в его собственных слышится мягкость шёлка — или паутины, из которой кажутся сотканными его одежды. — Мы — не люди. Мы иные, и у нас свои законы, которые вам видятся непостижимыми. Но постичь их не так сложно, если вы готовы смотреть, слушать и принимать услышанное. Вы потратили века и бесчисленное множество сил, чтобы узнать, как устроен ваш мир, и вывести закономерности, по которым живёт природа. Вы не гневаетесь на неё за то, что в реке, дарующей вам живительную влагу, можно утонуть, а огню, хранящему вас от холода, под силу спалить ваш дом дотла. Мы к природе куда ближе вашего. Мы сами во многом — стихия. Иные из нас гневливы и вспыльчивы, как пламя, иные грозны, как шторм; но есть и те, кто ласков, как тихий летний дождь, кто мудр, как вековые леса, кто добр и светел, как весеннее солнце, выглядывающее из-за горизонта на рассвете. Кто-то найдёт людские страдания смешными и сделает всё, чтобы они приумножились, а кто-то поможет тому, кому нужна помощь, и оплатит за маленькое

благо благом, стократ большим. Я могу припомнить немало историй о жестоких и лживых представителях рода людского... и тем не менее, глядя на вас, я не сомневаюсь, что вы честны и добры. И не причините зла ни мне, ни тому, кто слабее вас.

Она по-прежнему молчит. Только пальцы, до его речей тянувшиеся к дверной ручке, чуть опускаются.

— Я мог бы сказать, что взамен на мою просьбу исполню ваше сокровенное желание, или посулить вам силу, которой будут страшиться многие, но едва ли вы мне поверите. И едва ли вам это нужно. — Сид достаёт из котомки, перекинутой через плечо, замшевый кошель. — Потому я предлагаю это, а взамен прошу лишь одного: гостеприимства.

Он кидает девушке мешочек, звякающий, словно внутри стеклянные шарики. Та машинально ловит подношение; не опуская взгляда, не намереваясь ни на секунду выпускать незваного гостя из поля зрения, на ощупь развязывает витые шнурки, стягивающие горловину.

Затем всё же отводит глаза, глядя на то, что её пальцы достают из замшевого плена.

Крупный рубин восхитительной огранки искрится в электрическом свете — и, щурясь, девушка вертит его в руке, пока на коже её вспыхивает магическая печать.

— Настоящий, — недоверчиво произносит она спустя пару секунд. — И чистый... без посторонней магии, во всяком случае.

— Конечно, настоящий. Мужчины рода Дри не обманывают. Не лгут. Не причиняют вреда беззащитным.

— Считаешь меня беззащитной? — Она усмехается, пока сияющие линии на её руке медленно гаснут. — Не суди по внешности.

— Самое прекрасное — всегда самое беззащитное. Розы отрастили шипы, но это не спасёт от тех, кто за-

хочет срезать их, запасшись острыми ножницами. — Коул кивает в сторону стола, где аметисты перемежаются с люстрой сиреневыми отблесками. — Полагаю, камням такой чистоты вы найдёте даже более полезное применение, чем безыскусная продажа.

Девушка косится на него из-под каштановой чёлки. Наклоняет ладонь, и рубин скатывается по её пальцам обратно в мешочек — к другим камням, которых в нём, судя по звуку, не один и не два.

— И что же ты хочешь от меня за эти сокровища, Коул из рода Дри?

— Вы первая, кого я встретил в Харлере. Вы вызвали у меня... доверие. По многим причинам. А мне нужен проводник. Тот, кто ознакомит меня с вашим диковинным миром. Будьте рядом во время моих прогулок по городу, пока я не вернусь домой... не волнуйтесь, я едва ли задержусь здесь дольше чем на десяток дней. Рассказывайте о том, чего я не знаю сам. Показывайте те места, что вы сами считаете удивительными. Обеспечьте пищу и питьём. Вот всё, чего я прошу.

— Всё? — Она хмурится, и густые чёрные брови галочкой съезжаются на переносице. — Где ты будешь жить?

— Точно не в... как это у вас называется... отелях? Да, кажется, так. — Сид улыбается, распознав её капитуляцию ещё прежде, чем она признаётся в этом себе. — Не беспокойтесь, Вэрани. Таким, как мы, нетрудно найти пристанище от непогоды. — Он подходит ближе, неся с собой запах дождя, листвы и горного ветра; при каждом шаге ковёр приминается так, словно под босой ногой мох, но стоит гостю из Дивной Страны сделать следующий, как иллюзия развеивается. — Каждый день я буду ждать вас на том месте, где мы встретились впервые. Каждый день я хотел бы видеть по одному чуду людского мира, что не найдёшь на

Эмайне. Условие, впрочем, необязательно к выполнению, а камни в любом случае уже ваши. Хотя бы в качестве платы за моё бесцеремонное вторжение в ваш дом. Но если вы всё же смилостивитесь над бедным странником и готовы пожертвовать ему несколько дней вашей жизни...

Девушка смотрит на протянутую ей узкую ладонь.

После долгих, очень долгих раздумий вкладывает в его руку свою.

— Вэрани, — произносит она, отдернув пальцы, едва ощутив скрепившее сделку рукопожатие. — Это по-вашему значит «певчая птичка», кажется?

— Верно.

— Не пробовал спросить моё имя вместо того, чтобы придумывать мне клички?

— Имя — не главное. Главное — суть. Думаю, я постиг вашу.

Рассеянным, неосознанным жестом она поднимает руку, чтобы коснуться своей правой ключицы; вернее, места чуть ниже ключицы, скрытого плотной тканью футболки.

— Суть мою он постиг, — бурчит девушка миг спустя, отворачиваясь. — И почему я на это подписалась, ума не приложу...

Коул не отвечает, и, когда молчание затягивается, это вынуждает её обернуться.

Сида уже нет. Лишь призрачный мох да ароматы леса и волшебства тают там, где он только что был, возвращая комнате ту обыденность, которой неизбежно пропитывалось всё в мегаполисе, где гостям из Дивной Страны не место.

Девушка хмыкает — не слишком удивлённо. Смотрит на замшу в своей руке.

— А с чего я вообще должна завтра куда-то идти? — говорит она рассеянно. — Он же сам сказал, что камни

и так мои. А рукопожатие — это тебе не магический контракт, фактически я ему ничем не обязана...

Некоторое время она ждёт ответа от пустоты. Потом, убедившись, что сид действительно исчез — или просто не собирается продолжать разговор, — прячет кошель в нижний ящик стола, тщательно заваливая его тюбиками с косметикой под разноцветным взглядом Зигги Стардаста, который следит за ней со стены.

Опускается на кровать в раздумьях — уже не показных.

Следующим утром солнце роняет тонкие косые лучи на лютики, чернику и тропинку под буками, по которой снова идёт девушка, быстрыми целенаправленными шагами меряя землю, высохшую за ночь от летней жары.

На сей раз девушка не поёт, и светловолосая тень не выскальзывает из-за дерева ей навстречу. Сид просто возникает под одним из буков, когда певунья подходит достаточно близко: будто рисунок, проявляющийся на стыке лесной полутьмы и света, просеянного сквозь листву, стоит взглянуть на него под нужным углом.

— Вы всё-таки пришли.

Коул сидит на траве, прислонясь спиной к стволу, не щуря глаза на солнце, льющее бледное золото на его радужки.

— Как ты совершенно справедливо заметил, я честна и добра. А даже если б не была, после такой бесовственной лестницы любой захотел бы соответствовать ожиданиям. — Скинув с плеча рюкзак, она достаёт оттуда шуршащий картонный пакет. — Ты просил пищу и питьё. Понятия не имею, что вы едите, но я захватила бутерброды и сок. Захочешь пообедать, купим что-нибудь в городе на твой вкус. Я продала один камень, так что денег на карте у меня теперь хватит, чтобы накормить маленькую армию.

— То, что я ем обычно, я могу отведать и дома. — Он принимает пакет с видом, словно ему поднесли драгоценный кубок. — Благодарю.

Девушка тоже садится на траву — чуть поодаль, на небольшом, но безопасном расстоянии, скрестив ноги в джинсах. Смотрит, как сид ест ломтики магазинного хлеба для сэндвичей с арахисовой пастой, запивая их яблочным соком из стеклянной бутылки: даже это затрапезное зрелище в его исполнении выглядит так, будто он вкушает неземные яства, сидя на заповедной поляне волшебного леса, где каждую ночь колокольчиком звенит смех танцующих фей.

Впрочем, этот лес с его появлением точно стал капельку более волшебным.

— Кино или океанариум? — спрашивает она, когда пакет и бутылка возвращаются в рюкзак опустевшими.

— Мне неизвестно и то, и другое. — Сид отряхивает тонкопалые руки от крошек. — На ваш выбор.

— Значит, кино. — Девушка поднимается с земли расправленной пружины за миг до того, как он делает то же — куда более плавно, куда менее нервно. — Надеюсь, если диснеевские мультфильмы понятны детям, тебе тоже подойдут. Идём.

На сей раз они покидают лес рука об руку. И только старые буки, не раз видевшие начало подобных сказок, шепчут им вслед, напоминая, что и у самых красивых сказок может быть печальный конец, — лишь затем, чтобы их в который раз никто не услышал.

❖ ❖ Нынешнее время ❖ ❖

Эш остановился в городке под названием Мулен, на одной из центральных улиц, рядом со светлым кирпичным зданием, украшенным неоновой вывеской «Отель “Мельница”».

Скользнув пальцами по сенсорной панели управления, брат выключил мобиль. Магнитола, за время пути успевшая воспроизвести с флешки почти полную дискографию Поэтов и переключившаяся на Imagine Dragons, наконец умолкла. Я следила за рукой Эша: прежде чем погаснуть, цифровые часы успели показать половину четвёртого ночи.

Стало быть, мы ехали больше пяти часов. И всё это время молчали.

— Вылезай, — сухо бросил Эш, прежде чем привычно перелезть на заднее сиденье, чтобы я могла выйти через водительскую дверь. Я повиновалась с покорностью сомнамбулы: в сердце и мыслях царила звенящая пустота.

Не думать. Ни о чём. Или о чём угодно, но не о сгоревшем доме. Не о том, как я орала «разворачивайся!», перекрикивая музыку, а Эш только жал на педаль акселератора, глядя перед собой застывшими глазами, похожими на синие стекляшки, и увозил нас прочь от родного сада, полыхающего сапфировым...

...нет, вот об этом точно не нужно думать.

Чемоданы из багажника вытаскивали всё в том же молчании. Воздух был тёмным, тёплым и густым, улицы — пустыми: только фонари тарацились оранжевыми глазами на невысокие каменные дома. В этом маленьком провинциальном городке с тихим зелёным центром легко было представить, будто мы и не уезжали никуда; напротив отеля как раз шелестел парк, зазывая кованой аркой входа, очень похожей на ту, что украшала центральный парк Мойлейца. Эш щёлкнул кнопкой на брелке, активируя сигнализацию, Французик отозвался умиротворённой трелью — и, громяхая колёсиками по асфальту, мы повезли багаж ко входу в гостиницу.

Судя по готической резьбе на стенах холла, обшитых деревянными панелями, отель то ли строили пару ве-

ков назад, то ли старательно стилизовали под таковой. За стойкой регистрации сидела девушка с модным омбре на коротких чёрных волосах. Когда мы вошли, она, зевая, обрабатывала ногти стеклянной пилкой, но, услышав звук дверного колокольчика, подняла взгляд и тут же расплылась в улыбке:

— Добрый вечер. Что...

— Комнату. — Эш выложил на дубовую столешницу мою банковскую карту и пластиковые прямоугольники наших паспортов. — На двоих. На ночь. Уедем завтра утром.

Не знаю, что вызвало у администратора большую оторопь — то, что из нас двоих с ней заговорил двенадцатилетний мальчик, или то, что таких суровых двенадцатилетних мальчиков она в жизни ещё не встречала, — но улыбка её заметно поблекла к моменту, как девушка взяла мой паспорт, длинными ногтями царапнув тёмное дерево.

— Завтра днём, вернее, — поправила я. — Во сколько у вас выезд постояльцев?

— В десять утра.

— Тогда оплачиваем ещё и завтрашний день. — В ответ на вопросительный взгляд брата я тихо пояснила: — Надо кое-что сделать, до десяти утра вряд ли управлюсь.

Графоном считав с карточек-паспортов информацию о нас обоих, девушка вставила кредитку в прорезь серебристой коробочки кассового аппарата. Подвинула её в нашу сторону, ожидая, пока владелец карты предъявит отпечаток пальца; я послушно коснулась сенсорного дисплея, аппарат замигал зелёным огоньком, и буквы на экране уведомили, что операция успешно завершена.

— Номер тридцать семь, третий этаж. — Кредитку и паспорта Эшу вернули уже вместе с магнитной кар-

той от комнаты. — Все номера оборудованы системой «умный дом». Приятного пребывания в «Мельнице».

Сунув карты в рюкзак, Эш молча подхватил чемодан и покатил его к лифту. Администратор к отсутствию ответных любезностей отнеслась с вышколенной вежливостью и, продолжая дежурно улыбаться, вернулась к маникюру.

— Спасибо, — всё же сказала я, прежде чем нагнать брата.

Лифт, прятавший за винтажными деревянными створками обычную современную кабину, только успел разогнаться, как уже пришлось тормозить. Двери открылись с мелодичным звоном, и взгляду предстал широкий коридор со светлыми стенами, освещёнными вычурными настенными лампами. Неслышно прокатив чемоданы по красной ковровой дорожке, мы встали перед дверью с медной, позеленевшей от времени ручкой и серебряными цифрами «37»; магнитный замок по соседству с этим смотрелся немного странно. Эш сунул карту от комнаты в щель, замок тихо пискнул — и ручка, щёлкнув, повернулась сама собой.

Внутри ждали всё те же деревянные панели, две узкие кровати в алькове, украшенные резьбой по сосновым изголовьям, люстра с лампочками в виде свечей и пушистая серая шкура с волчьей пастью, скалящейся на паркете. Полное погружение в эпоху Тюдоров.

— Так что тебе нужно сделать завтра? — спросил Эш, задвинув чемодан под одну из кроватей.

— Прикупить кое-что. — Я опустила на другую, расшнуровала кеды и легла, не раздеваясь, глядя в потолок. — Для самозащиты.

Я услышала, как скрипнули пружины, когда Эш сел на постели — а может, тоже лёг.

— Лайз, нам нужно снять деньги с твоей карты, — голос брата был спокоен, как гладь колодца. — Нас бу-

дут искать. Поскольку мы не знаем, как объяснить то, что произошло с нашим домом, лучше, чтобы нас не могли найти. И отсюда уехать, как только сможем. Ещё надо поменять графоны и номера на Французике: я отключил в нём доступ к Сети, теперь нас могут выследить только по номерам. Сможешь?

— Я... не знаю. Попробую. — Я чувствовала, как по телу свинцовой тяжестью разливается усталость, прежде вытесненная отчаянной пустотой. — Может, нам всё-таки обратиться в стражу, вместо того чтобы прятаться от неё?

— Лайз, мама сказала, мы должны держать всё в тайне. Не посвящать посторонних.

— Даже если случится *такое*?

— Ты знаешь нашу маму. При всей её гордости она не геройствует понапрасну. И тем более никогда не подвергла бы опасности нас. Будь у неё хоть одна возможность обратиться за помощью, она бы ею воспользовалась. Если не воспользовалась, значит, на то есть слишком весомые причины, чтобы мы могли ими пренебрегать.

...это знание убивает того, кто его носит...

Верно. Мама угасала, потому что ей была известна правда. Хочу ли я, чтобы стражников, которые будут расследовать это дело, пытаюсь узнать то же, что знала она, постигла такая же участь? А потом — нас, когда нам всё расскажут?..

Я сжала кулаки. Повернула голову: Эш тоже лежал на кровати, глядя на люстру. В джинсах, футболке и носках — как ехал, так и лёг, только кроссовки снял. Ни он, ни я даже до ванной не удосужились дойти: сил хватило лишь на то, чтобы добраться до поверхности, на которую можно лечь, и сохранять хоть какое-то подобие спокойствия.

— Эш, я понимаю, почему ты не развернулся. Там, у дома. Но мы *должны* были развернуться. Мама... Сид

сказал, что поможет ей, она наверняка выбралась наружу и...

— И тогда помимо себя ей помогли соседи, — бесстрастно ответил Эш. — Да. Наверняка. Потому я и не развернулся. — Брат прикрыл глаза. — Я тоже хочу так думать.

Какое-то время я смотрела на его лицо, казавшееся совсем взрослым.

Протянув руку через узкий проход между кроватями, сжала кончики его пальцев — Эш вздрогнул, не ожидав прикосновения.

— С мамой всё хорошо. Слышишь?

Брат благодарно кивнул:

— Да. Конечно.

Я крепче стиснула его ладонь своей. Держала её, пока дыхание Эша не выровнялось и сон не разгладил его лицо выражением, куда более подходящим ребёнку, пусть даже смертельно уставшему.

Лишь тогда, тихонько выпустив его руку, отвернулась.

— Выключить свет, — велела я негромко, ни к кому не обращаясь. Когда люстра послушно потухла, легла лицом вниз — и, жмуря глаза, которые жгло раскалёнными углями, закусила зубами подушку, чтобы не разбудить Эша глухими скулящими всхлипами.

Потому что верить в то, что мама каким-то чудом спаслась, было ещё возможно. А вот в то, что аналогичное чудо случилось с Гвен и её семьёй, — почти нет.

В полдень следующего дня я непринуждённо поздоровалась с администратором и покинула отель, стараясь напустить на себя беззаботный вид обыкновенной

туристки. На миг обернувшись, увидела, что Эш следит за мной из гостиничного окна: мы решили, что лучше мне сходить одной, избегая лишнего внимания. Когда нас начнёт разыскивать стража, обычную девчонку в джинсах и хлопковой рубашке могут и не припомнить (по такому случаю я не надела ни одну из любимых футболок, принты на которых смело можно было считать особой приметой), а вот девчонку с маленьким братом, очень смахивающим на тилвита, запомнят наверняка.

Я махнула Эшу рукой и отвернулась, не дожидаясь ответа — всё равно едва ли дождусь. Достав графон, открыла гугл-карты, выстроившие маршрут до пункта назначения; рука машинально потянулась проверить соцсети, но я вовремя отдёрнула палец, уже готовый щёлкнуть по иконке Инстаграма. Впрочем, Эш ещё ночью, проснувшись от тревожного сна, вышел из всех мессенджеров и аккаунтов что на своём, что на моём графоне и отрубил нам сотовую связь, оставив только приём Wi-Fi (благо спутники обеспечивали доступ к Сети даже за пределами городов). Отвечать на сообщения, которыми к этой минуте наверняка завалены наши лички, мы не могли, да и звонки от обеспокоенных знакомых и соседей были ни к чему. Удивительно, что нам не названивали по дороге, но, видимо, мама, выбравшись из дома, успокоила окружающих, что мы с братом в безопасном месте. Или в первые часы все попросту были уверены, что младшие Форбидены остались в горящем доме и на звонок в любом случае не ответят.

Я предпочитала верить в первый вариант.

Приложение велело мне перейти дорогу и войти в парк, где царила ленивая умиротворённость погожего летнего дня. По тенистым аллеям, присыпанным гравием, прогуливались мамочки с колясками и, смеш-

но переваливаясь, топали голуби. Под липами пестрели крыши передвижных ларьков со сладостями, подле которых улыбались владельцы-торгаши, предлагая сладкую вату, жареные каштаны и яблоки в карамели. Расплачивались с ними как наличными, так и карточками — что ж, хоть яблоками в карамели в крайнем случае будем питаться... Во многих магазинах наличку уже не принимали, и найти в Мулене тот, где можно расплатиться монетами, оказалось не так легко. Надеюсь только, в крупных городах дела обстоят получше.

Мои размышления прервал бесцеремонный толчок в живот — и врезавшаяся в меня крошечная девочка-глейстиг, не устояв на копытцах, упала спиной назад.

— Ох, прости! — Я кинулась к ней, помогая встать. — Сильно ушиблась?

Ей было лет шесть; она пыталась смягчить падение руками, но лишь ободрала ладошки о гравий. Волосы тёмные, прямые, зеркально-гладкие — больше похожие на лошадиную гриву, чем на человеческую шевелюру. Оленьи ножки оголял короткий сарафан в цветочек, обиженные ореховые глаза до боли напоминали о взгляде Гвен.

— Ничего, заживёт, — буркнула кроха, сжимая кулаки.

Когда она разомкнула пальцы, на каждой расцарапанной ладони горел крохотный золотой огонёк, похожий на светлячка. Озарив ссадины тёплым светом, колдовские искры на глазах заставили те затянуться — и, мигнув, тоже исчезли.

— Такая маленькая, а уже умеешь исцелять? — уважительно произнесла я.

— Я не маленькая! А вы в следующий раз смотрите, куда идёте!

— Прости, прости. Хочешь, яблоко куплю в качестве извинения? Или вату?